

ВЕСТНИК КУЛЬТУРЫ и СВОБОДЫ

№ 5—6.

„КУЛЬТУРА и СВОБОДА“

Просветительное Общество в память 27-го февраля 1917 года.

Склад изданий: ПЕТРОГРАД, Лиговская ул., 3.

1919 г.

„ВЕСТНИК КУЛЬТУРЫ и СВОБОДЫ“.

№ 5—6.

1919 г.

Оглавление.

	Стр.
Некролог Константина Константиновича Арсеньева.	3
К. Арсеньев. Гражданское воспитание и государство	5
А. Моравский. Государство и гражданственность	8
С. Созонов. Что такое „трудовое воспитание“. (К вопросу об единой трудовой школе).	11
А. Карлсон. Искусство—народу	33
Я. Ривлин. Реорганизация кооперации и проблема ее культурно-просветительной деятельности.	45
Столичная хроника.	54—62
<i>Н. Андреев.</i> Очерк деятельности Культурно-просветительного отдела Петросоюза с января по ноябрь 1918 г. (54). — <i>И. Д.</i> Деятельность Библиотечного отдела Комитета Гражданского Просвещения (61).	
Кооперативная хроника.	63—72
<i>Я. Ривлин.</i> Культурно-просветительная деятельность кооперации. (63). — <i>А. Слетова.</i> Первый Всероссийский Съезд по кооперативному просвещению и культ.-пр. деятельность кооперации (67). — <i>П. Колышко.</i> Первая кооперативная гимназия (71).	
Провинциальная хроника.	73—79
Культурно - просветительная работа в Твери и Смоленске (73). — <i>Л. Панов.</i> Культурно-просветительные ячейки Тверской губ. (77).	
Библиография.	80—88
<i>Н. Сум.</i> — Обзор изданий по внешкольному и школьному образованию. (80—84).—Общие вопросы внешкольного образования (80—81).—Библиотеки и книжное дело (81). — Справочные издания (81).—К вопросу о преподавании истории в школе (82). — „Естествознание в школе“ (84).	
<i>В. Венгеров.</i> Из кооперативной прессы (84—86).—Издания книгоиздательства кооперативной литературы „Мысль“ (34).	
<i>Ив. Кубиков.</i> Вопросы искусства и народного театра (86—88).— <i>А. Богданов.</i> Искусство и рабочий класс (86). — <i>П. Гайдебуров.</i> Народный театр (88).	

С глубокой грустью отмечаем мы кончину

Константина Константиновича Арсеньева,
чья лебединая песнь напечатана в настоящей книжке нашего журнала.

Константин Константинович скончался в глубокой старости. За свою долгую жизнь он отдал все силы, какие даются природой человеку, служению своим идеалам. Но, если и не приходится по поводу его смерти сожалеть о том, что ушел из жизни работник, который мог бы еще послужить на пользу общества, если, наоборот, в этом случае физическая смерть носителя известного мировоззрения гармонирует с тем, что и само это мировоззрение давно отошло в область истории, то этим не устраняется наше чувство глубокой грусти.

В лице Константина Константиновича мы прощаемся с одним из самых светлых периодов русской общественности и с одним из самых симпатичных его представителей. А чья душа не тоскует по светлым и симпатичным явлениям в общественной жизни? Константин Константинович был выразителем русского либерализма в его наиболее принципиальном и чистом виде. Как бы ни относиться к этой доктрине, нельзя отрицать огромной положительной роли, которую сыграла она в нашей истории. Судьбе угодно было, чтобы Константин Константинович еще долгие годы после того, как на историческую арену выступили иные доктрины, проводил в «Вестнике Европы» взгляды теоретически чистого, идеалистического либерализма, и эта теоретическая и моральная чистота его взглядов привлекала к нему сердца последующих поколений.

С ним вместе опускаем мы в могилу одно из самых светлых воспоминаний нашей культурной истории.

Гражданское воспитание и государство.

Гражданское воспитание дает семья, дает школа, дает окружающая среда, но дает — или должно давать и государство, своим творчеством, своей нормальной, повседневной работой, своими идеалами. Если русский народ страдает недостатком гражданского воспитания, то причину этому следует искать, между прочим, в неисполнении русским государством своего призвания, своего долга. Оно грешило и грешит, в этом отношении, и своим бездействием, и своею деятельностью.

Воспитать гражданина — значит, прежде всего, воспитать человека, пробудив в нем уважение к личности, своей и чужой, сознание прав, неотъемлемо ей принадлежащих. Первое, основное право личности — право на жизнь, как на незаменяемое и невозвратимое благо. *Высшим* благом жизнь, назвать нельзя. Есть другие блага, из-за которых мыслим добровольный отказ от жизни; есть случаи, когда ее сохранение было бы равносильно утрате того, что заставляет дорожить ею. Propter iram, по выражению древнего поэта, не следует vivendi perdere causas. Но взвесить ценность благ — дело самой личности; решить вопрос о ее праве на жизнь никто, кроме нее самой, решить не может. Коллективной воле принадлежит, при исключительных условиях, только подвергать опасности жизнь граждан, требовать от них готовности рисковать ею... Безнравственно, поэтому, пренебрежение к жизни отдельных лиц, проповедуемое или практикуемое государством в интересах государства. При прежнем режиме такая проповедь не велась открыто и прямо, потому что разумелась само собою. Ни во что не ставилась не только жизнь единиц, но и жизнь целых масс. С одинаково легким сердцем посылались на казнь или на медленное умирание в тюрьме и ссылке десятки, сотни „государственных преступников“ — и обрекались на гибель десятки тысяч крестьян, из-за нежелания признать, что „недород“ достиг степени голода.

Не скоро изгладится память о человеческих гекатомбах; все усилия должны быть направлены к тому, чтобы предупредить их продол-

жение или возобновление. С поднятием страшно упавшей цены человеческой жизни должна исчезнуть вера в спасительность насильственной смерти. Благая весть об отмене смертной казни должна раздаться снова и стать прочным достоянием ближайшего будущего. Как тяжкий сон, должны быть забыты самосуды, кем бы они ни производились. С прекращением смертных приговоров, произносимых официально или официально, исполняемых по распоряжению или при попустительстве властей, неминуемо должно уменьшиться число убийств, как обыкновенных преступлений.

Рядом с правом на жизнь стоит право личности на свободное и всестороннее развитие, как одну из тех *causae vivendi*, без которых перестает быть ценной сама жизнь. Бесчисленны и разнообразны были преграды, загромаждавшие у нас, в течение целых веков, путь к этому развитию. Для целых сословий, для целых общественных классов они были, за редкими исключениями, непреодолимы. Открытым они, даже в благоприятных случаях, оставляли только узкий проход, да и он, в каждую минуту, мог оказаться запретным. Радикальную перемену обещал февральский переворот. Всем обеспечивалось пользование всеми видами политической свободы. Действительность во многих местах оказалась иною: даже критическое отношение к действиям власти признается чем-то недопустимым, подлежащим неукоснительному пресечению. Всецело забывается или отвергается завет великой французской революции, выраженный в знаменитой формуле: свобода, равенство, братство. А между тем, в этой формуле заложены основы истинно гражданского воспитания. Свобода — необходимая предпосылка развития личности; равенство — лучшее условие применения личных сил к общему делу; братство — источник настроения, обеспечивающего успех общего труда. И чем шире, чем сложнее задача, предстоящая впереди, тем важнее все ограждающее свободу, все ведущее к равенству, все располагающее к братству. Это, конечно, не значит, чтобы движение вперед, к далеким и трудно достижимым целям, движение, во многом требующее решительного разрыва с прошлым, могло и должно было совершаться без борьбы. Борьба неизбежна, необходима, но она должна быть ведена равным оружием.

Полноправная, свободно развивающаяся личность возможна только в государстве, признающем и осуществляющем равноправность всех обитающих в нем народностей. Эту равноправность систематически отрицал старый режим; ее провозгласил февральский переворот, и самоопределение народностей продолжает входить в состав официальной правительственной программы. Объединением народностей в государстве не оканчивается, однако, обобщающий процесс, поставленный на очередь историей. Государственные границы теряют свою раз-

деляющую силу; распространяется вера в близость международных организаций, обнимающих собою все более и более растущее число культурных стран. И вот, государство начинает казаться помехой на пути к великой цели. Предметом сомнения или отрицания становятся обязанности, возлагаемые государством на своих граждан. Вместе с понятием о государстве тускнеет и меркнет понятие об отечестве, признаваемом лишь постольку, поскольку к нему подходит тот или другой излюбленный эпитет. Прежде считавшийся добродетелью патриотизм низводится на степень заблуждения или порока. Да, во имя патриотизма совершалось много ошибок, много преступлений; но ведь то-же самое можно сказать о многих других принципах, сохраняющих, тем не менее, всю свою силу. Припомним хотя бы известное восклицание Madame Roland: „oh liberté, que de crimes on commet en ton nom“!. Государство не должно поглощать всего человека, как не должна поглощать его и народность; но, если можно служить своей народности, служа, вместе с тем, и государству, в состав которого она входит, то столь же совместимо служение государству с служением более обширному целому, с служением человечеству. К громадному большинству людей человечество — или хотя бы культурный мир — редко пред'являет непосредственные требования; долг перед государством лежит на каждом гражданине непрерывно и неотложно. Только на родной почве для каждого открыта возможность плодотворной работы. Что этой почвой является именно государство, доказательством тому служат такие страны, как Швейцария или Американские Соединенные Штаты. Федерация — лучшая государственная форма, в особенности там, где на одной территории живут, в перемежку или друг возле друга, народности, различные по вере, по языку, по культуре. И если к федерациям народностей или областей присоединятся, со временем, федерации государств, это будет великим шагом вперед, к общему миру и общему счастью. На ближайшей очереди стоит, таким образом, не упразднение государства, а приспособление его к переходу на новую, высшую ступень исторической лестницы. Приготовляясь к этому переходу, государство тем самым исполнит свою роль в гражданском воспитании народа.

К. Арсеньев.

Государство и Гражданственность.

Выражение „гражданское просвещение“ состоит из двух понятий: „гражданское“ и „просвещение“. „Гражданин, гражданское“ является весьма широким и у нас сравнительно новым понятием; оно заключает в себе признак общественности, государственности, политической сознательности, культуры и пр. Выражение „граждане“, „гражданственность“ свойственно цивилизованным народам, революционным эпохам, моментам общественного подъема. Civis, citizen—это не только член государства (civitas), но это сознательная, ответственная, деятельная часть целого — общества, народа, страны, без чего немислимы их жизнеспособность, развитие, прогресс. Понятие „гражданин“ непосредственно связано с гражданственностью, известным правопорядком, правосознанием, государственным строем, ответственностью за этот строй и порядок. Поэтому каждый гражданин, на ряду с обеспечением всяких своих государственных, личных и др. прав, охотно несет и все свои гражданские, общественные и др. обязанности, которые налагаются на него организованным государственным, общинным и культурным строем. В понятии „гражданин“ отражается, как в фокусе, и воплощается все строительство, вся сущность организованного целого—общества, народа, государства. Поэтому гражданин является одухотворенной, обобществленной, действенной личностью, социальной двигательной силой, без сознательной, планомерной деятельности которой немисливо правильное функционирование и самоусовершенствование всего государственного строя. Понятия — гражданственность, гражданский долг и ответственность, гражданское мужество и сила заключают в себе все элементы такого рода личного, действенного проявления общественного и государственного творчества и прогресса, и потому всякое культурное, политическое и социальное строительство, всякий социальный переворот немислимы без широкого гражданского развития, без массовой гражданской самодеятельности. Общественный пессимизм, гражданская инертность и бездеятельность характеризуют эпохи политического и социального застоя, а периоды госу-

дарственного упадка и разложения проявляются в виде гражданского вырождения, „гражданской смерти“ отдельных членов данного общества, а иногда и целых групп и поколений данной эпохи. Для того, чтобы разложился целый организм данной страны, чтобы рушился ее государственный строй, нужны исключительно неблагоприятные условия, чаще всего внешние разрушительные причины, в виде проигранной войны, иноземного нашествия и т. п. Но и в таких случаях известный уровень гражданского самосознания народного или государственного единства и сознательности могут побудить даже покоренные нации и государства к восстановлению их самостоятельности и независимости и снова явиться побудительными стимулами к дальнейшему гражданскому и политическому строительству. В этом отношении большую роль играет в таких случаях сохранение у данной нации патриотизма и приверженности к формам своего культурно-государственного бытия, что является одним из видов гражданственности, носящей определенный национальный и территориальный характер.

Особую роль играет развитие в широких слоях населения гражданственности в период революции, когда рушатся старые формы их общественно-государственного существования, и путем мучительного самодействующего процесса вырабатываются основы нового политического и социального строя. Разрушение прежних форм общежития и государственных взаимоотношений является уделом более развитых и дееспособных личностей, и этим занимаются *граждане* новой эпохи, деятели, ее создающие. Такие деятели, олицетворяющие новую эпоху, и являются настоящими *революционерами*, и в этом понятии, в истинном его значении заключаются не только все элементы гражданского разрушения и новообразования, но и революционного строительства и целесообразного творчества. Ибо подобно тому, как после известного подъема гражданской самодеятельности и силы даже у целых поколений и народов может наступить гражданская бездеятельность, паралич и атрофия гражданской жизнеспособности и жизнедеятельности, так и у самых возвышенных и вдохновенных революционеров при известных условиях может погаснуть их революционное творчество и энтузиазм, и они могут превратиться в политических или социальных манекенов, выдохшихся доктринеров. И чтобы не допустить подобного паралича и атрофии в процессе развития созидательной революции, необходимо принять все меры для широкого распространения гражданского самосознания и самодеятельности в данной стране, ибо только вся совокупность творческой и созидательной работы во всех сферах политической и социальной жизни может вывести охваченную революцией страну на новый путь преобразованной, более совершенной жизни.

Поступательное движение в отдельных странах и у всего человечества, так называемое развитие *цивилизации*, совершается медленным закономерным порядком, и в этом отношении рост гражданского самосознания, гражданской зрелости играет едва ли не самую важную роль. Страны нецивилизованные, с высоко развитой гражданственностью и культурой являются наиболее жизнеспособными социально-государственными организмами, и, вероятно, потому в самом понятии цивилизованности заключается слово *civilis*, т. е. гражданский.

Сознание гражданственности, развитие гражданских чувств и обязанностей вырабатываются у данного народа и общества длительным путем, и оно базируется на почве общего просвещения, общей культурности. Но бывают моменты, создаются исключительные условия, когда любовь к своей родине, приверженность к своей нации, интерес к судьбам своего народа и своей страны проявляются с особенной силой, и такие эпохи называются возрождением данных народов и государств.

Когда страна гибнет, устой государственной жизни у данной нации рушатся, и над нею витает леденящий призрак государственной смерти и разложения, не время петь похоронные гимны, не время проливать слезы у леденеющего государственного организма. Нужно всю силу своей любви к родному народу, всю боль своей измученной общественной души направить на поиски всеисцеляющего средства, спасительного выхода для излечения национального недуга.

Таким спасительным средством при создавшемся ныне в России опасном государственном недуге может явиться усиленная работа над укреплением гражданской просвещенности ее населения, над углублением ее гражданского самосознания и самостоятельности, ибо всякая бездеятельность, всякий общественный пессимизм носит в себе зародыши застоя и разложения. Здоровый общественный и государственный организм не может безвременно погибнуть даже в моменты катастрофических испытаний. Пока в его живительных частичках теплится луч жизни, проблеск надежды, не может наступить безвременная смерть этого организма, как бы силен ни был одолевший его недуг.

Русское общество и нация таят в себе неисчерпаемые еще массы таких живительных сил и средств для своего самоисцеления.

И тот же здоровый инстинкт самосохранения побудит нас ухватиться за единственное средство нашего самоисцеления — укрепление во всем своем народном организме силы гражданственности путем просвещения. Оторгнутая ужасными событиями от своего родного народа великая сила — русская интеллигенция должна

явиться той спасительной струей, которая подымет на ноги повергнутого ниц богатыря — народ.

Вернувшись в свою стихийную сферу, ставши народным мозгом и плодью, наша интеллигенция может спасти свой народ от грозящей гибели, ибо России нужна *цивилизация*.

А. Моравский.

Что такое „трудовое воспитание“.

(К вопросу об единой трудовой школе).

Сначала путем совещаний и съездов, затем путем отдельных декретов и, наконец, особой декларацией*) Государственной Комиссии Народного Комиссариата по Просвещению был выдвинут в качестве главного руководящего принципа для идейного строительства единой школы „трудовой“ принцип, — принцип „трудового воспитания“.

В истории педагогики „трудовой“ принцип имеет глубокие корни, уходящие далеко в прошлое. Он не есть что-либо новое, что, как *Deus ex machina* явилось под грохот нашего государственного переворота.

Однако, совершившийся переворот властно поставил этот принцип в самый центр школьного строительства и тем самым придал ему чрезвычайно животрепещущий характер.

Как бы далее ни сложилась и ни потекла жизнь нашей школы, но нет никакого сомнения, что трудовой принцип будет играть в ней всегда первенствующую, руководящую идейную роль и служить нескончаемой темой для обсуждения.

Основная точка зрения Комиссариата и общее построение всей задачи трудового воспитания по декларации представляются в таком виде.

Выдвигая на первый план чисто педагогическое, основанное на данных психологии, значение труда, как средства активного восприятия, и требуя переработки обучения на всех ступенях согласно тому духу, какой должен существовать в детском саде по идее Фребеля, т. е. духу „активного подвижного творческого знакомства с миром“, декларация признает *вторым* существенным источником труда, как средства воспитания, необходимость „ознакомить учеников с тем, что больше всего нужно им будет в жизни, с тем, что

*) „Основные принципы единой трудовой школы и Положение об единой трудовой школе“. Изд. Комиссариата.

играет доминирующую роль в ней в настоящее время, с сельскохозяйственным и промышленным трудом *во всех разновидностях* его". Согласно с этим, „на первой ступени преподавание покоится на процессах более или менее ремесленного характера соответственно слабым силам детей и их естественным в этом возрасте наклонностям. На второй ступени на первый план выдвигается промышленный и сельскохозяйственный труд в его современных машинных формах. Но, вообще путь трудовой школы... политехническое образование, дающее детям на практике знакомство с методом *всех важнейших* форм труда, частью в учебной мастерской или на школьной ферме, частью на фабриках, заводах и т. п.“. (Курсив везде наш).

„...приближаясь к идеалу, — говорится в декларации, — школа должна преподавать ученику главные приемы труда в следующих его областях: столярное и плотничье дело, токарные работы и резьба по дереву, формовка, ковка, отливка, токарная обработка металла, сварка, паяние, закалка металлов, сверлильные работы, работы по коже, печатание и пр. В деревне, разумеется, центром, вокруг которого группируется преподавание, является столь разнообразное сельскохозяйственно-хозяйственное дело.“

„*Политехнически воспитанный*, — говорится далее в декларации, — 14-летний подросток окажется в состоянии с большей быстротой овладеть любой специальностью“.

В положении мы читаем: „См. 13. Обучение в трудовой школе носит общеобразовательный *политехнический* характер..“. Соответственно с этими мыслями, совокупность сведений, сообщаемых на первой ступени, получает название „как бы *детской энциклопедии*“. Этот последний термин привьется далее в декларации и в совокупности сведений о человеческой культуре в связи с природой, сообщаемых на второй ступени.

Наконец, все должно завершиться „курсом социологии на основе эволюции труда и создаваемых ею экономических форм“, в виде особой трудовой энциклопедии, сливающейся с курсом истории.

Хотя декларация совершенно справедливо ставит на первый план чисто педагогическое значение трудового воспитания, однако общая конструкция, данная в декларации пониманию этого вопроса заключает столь резкий перегиб в область, выходящую из чисто педагогической сферы, что невольно является очень сильным опасение, как бы наша школа снова не сделалась почвой для экспериментов, чуждых педагогике и потому могущих вредно отразиться на воспитательной задаче.

Этот перегиб чувствуется, с одной стороны, в требовании сообщить воспитанию прикладной, политехнический характер, ознакомить ученика практически с методами *всех важнейших* форм промышленного труда, с другой — в непрестанной погоне за энциклопедическим характером обучения на всех ступенях.

Не останавливаясь на указании тех конкретных опасностей, которые ждут школу, если работа в ней потечет по тому именно пути, какой указывается декларацией, постараемся подойти к вопросу о трудовом воспитании со стороны чисто педагогической. Но и в этом отношении придется ограничиться лишь самым существенным, как раз тем, что более всего вызывает неясностей при обсуждении этого большого, сложного и несколько запутанного вопроса.

Помимо точек зрения чисто педагогических, при обсуждении вопроса о трудовом воспитании, мы неизбежно наталкиваемся на целый ряд вопросов порядка социального, столь же сложных, как и каждый вопрос педагогический, взятый сам по себе.

Социальных сторон трудового воспитания мы здесь не касаемся. Укажем лишь на два примера, чтобы показать, насколько они сложны.

1. Весь промышленный труд в стране в данный момент совершенно дезорганизован. Декларация указывает на необходимость установления самой тесной связи между школьной работой и сельскохозяйственным и промышленным трудом. Возможно ли говорить сколько-нибудь определенно об этой связи без установления ясных форм государственной организации труда и без обеспечения для таковой необходимых норм, которые довели бы ее вполне устойчивой. Без этого условия все разговоры в том направлении, в каком вопрос поднят декларацией, неизбежно примут характер очень отвлеченный, далекий от жизни.

2. Возьмем далее совершенно другую сторону вопроса.

Каждого должна поражать масса детей и подростков, занятых разносным промыслом, продажей газет, спекуляцией, служащих на посылках и т. п. Конечно, было бы не трудно издать запретительные распоряжения относительно явлений подобного рода и строго следить за тем, чтобы такие распоряжения выполнялись. Однако, несомненно, само население, семья нуждается сейчас в этой детской помощи. Едва ли возможно осуществить в столь широких размерах помощь социальную всему нуждающемуся населению, чтобы сделать излишней для него эту детскую помощь, чтобы выкупить эту громадную армию маленьких рабов труда. Таким образом, остается неразрешенным практически важное требование, которое надо признать экономической и социально-педагогической аксиомой, и которое состоит в недопустимости детского и в ограничении отроческого труда, как труда „хозяйственного“. На наших глазах целая армия будущих работников гибнет, оставаясь вне трудового воспитания, загнанная в промысловый тупик, из которого почти нет хорошего выхода.

Достаточно взвесить два приведенных факта, чтобы почувствовать колоссальную трудность практического разрешения вопроса о трудовом воспитании в его полном объеме. Тем не менее многие

стороны, чисто педагогические, мы можем сейчас обсуждать с пользой не только для их теоретического выяснения, но также и для разрешения их на практике.

К ним мы и переходим.

Сам по себе термин „трудовое воспитание“ вызывает ряд недоумений и совершенно излишних споров вследствие своей неопределенности.

Эта неопределенность проистекает от двух причин: во-первых, от недостаточно ясного смысла слова „труд“ по отношению к воспитанию; во-вторых, от не вполне выясненной роли, какую должен играть в воспитательной работе ручной, а далее и ремесленный труд.

Что касается первой неясности, то по отношению к ней сами собой рождаются следующие вопросы.

Разве в прежнее время школьник мало трудился в школе?

Неужели же речь идет о том, чтобы еще усугубить сложность и тяготу старого школьного труда, который правильно был охарактеризован Байроном, как „школьная барщина“.

Нет сомнения, что, если бы речь шла о том, чтобы увеличить количество труда в школе, не изменяя коренным образом характера той работы, какая там установилась, то всякий друг детей должен воскликнуть: „помилосердствуйте, господа; подумайте, прежде чем вы решитесь делать какой-либо практический шаг“.

Конечно, говоря о трудовом воспитании, мы мечтаем о чем-то обновляющем для школьной жизни, о чем-то особенно хорошем для школьника,—многие же прямо говорят о радостном труде, о радости труда, следовательно, в трудовом воспитании скрывается новый, качественно отличный от прежнего труд школьника, труд нового типа.

С другой стороны, введение ручного труда в школьную практику одно, само по себе, вовсе не может служить никаким ручательством, что „трудовое воспитание“ осуществлено. Ручной труд — даже в руках талантливого и большого мастера, — далеко не гарантирует, что задача воспитания в данной школе разрешается удовлетворительно. Ручной труд очень деликатное средство. В неподходящих руках он может давать столь же плохие и вредные результаты, какие получались от толстовского классицизма. Ручной труд есть только некоторая часть в технике трудового воспитания.

Наконец, совершенно справедливо изумляются и протестуют представители гуманитарных предметов, когда встречают противопоставление новой школы, в которой должен играть важную роль ручной труд, как школы трудовой, прежней школе, в которой первенствующее место было отведено предметам гуманитарным. Сам собой возникает вывод, что эта последняя не была трудовой, не содержала элементов труда или содержала их в количестве недостаточном.

Все это показывает, что сам по себе термин „трудовое воспитание“ без предварительного соглашения об его содержании, может сбивать с толку.

Вот почему необходимо его признать только чисто техническим термином и постараться точно установить его смысл. Замена другим термином вряд-ли возможна, да и нежелательна. Термин „трудовое“ воспитание очень определен и включает значительное содержание.

Введение этого термина в педагогическое дело соответствует некоему коренному решительному перевороту в педагогике, хотя корни самой идеи, лежащей в нем, скрываются, как это уже указано, глубоко в истории педагогической мысли и педагогической работы.

Под трудовым воспитанием следует понимать некоторую стройную систему воспитательного дела, целую *совокупность приемов, методов и условий*, не только ставящих определенную педагогическую задачу, но и обеспечивающих ее достижение.

Задачу эту можно выразить в такой форме: содействовать бережному сохранению и систематическому развитию присущей ребенку активности и радостного интереса к деятельности; содействовать выработке личности с прочным, устойчивым духовным строем; развивать в ней привычку к решению возникающих перед нею задач уверенно и в то же время с ясным сознанием наиболее точных и правильных способов их решения; вырабатывать навыки, оценки размеров задачи и умения соразмерять с ними свои силы; наконец, сообщить настойчивое тяготение к продуктивному труду.

Как со стороны принципиальной, так и со стороны практической воспитание „трудовое“ противоположно воспитанию „интеллектуалистическому“, господствовавшему, да и теперь господствующему в общеобразовательной школе.

При этом последнем передача знаний и их усвоение совершается через слово, через логику и память.

Авторитет учителя, авторитет книги признаются главной основой, на которую опирается весь процесс образовательной и воспитательной работы. Сознательно или бессознательно она была проникнута духом старой латинской школы, вылившимся в положение: „*Tantum discimus, quantum memoriae mandamus*“, т. е. мы постольку научаемся чему-нибудь, поскольку обогащаем запасы нашей памяти.

Память хранит сведения, сообщенные учителем, почерпнутые из книг, правила поведения по возможности на все случаи жизни.

Гибкость и быстрота логических операций достигается формальной дрессировкой логических способностей при посредстве математики и грамматики мертвых языков, а также и родного языка.

При воспитании „трудовом“ первое место занимает конкретное восприятие и изучение к.-л. явления и даже целого процесса. Создается целое душевное переживание, в котором далеко не последнюю

роль играет элемент эмоциональный. Конкретный характер исходного начала в познавательном процессе, а также элемент эмоции, как необходимой составной части работы—это ничто новое.

Наилучшим примером школьных занятий подобного рода могут служить лабораторные работы по природоведению, по физике, по химии и по естествознанию. Опыт, производимый самим учеником, дает много конкретного материала для наблюдения и для обсуждения. Удача опыта, получение вывода доставляет глубокое удовлетворение, неудача огорчает и заставляет искать причину таковой и изменять условия работы с целью добиться успеха.

Элементы логической работы, а также слово, речь входят в таком случае, как часть, в большой связный психический процесс, подробности и результаты которого прочнее, глубже и плодотворнее остаются о памяти, чем при усвоении одних лишь слов, одной только логики явлений без конкретных переживаний.

В итоге подобной работы весь познавательный аппарат изощряется, как некий активный механизм, возбуждаясь к деятельности стимулами интереса к конкретному и интереса к проникновению в связь явлений. И тот, и другой интерес столь естественны для каждого непредубежденного, неизуродованного ума.

„Трудовое воспитание“ складывается из целого ряда отдельных элементов, которые, как сказано, должны в конце концов образовать цельную и стройную систему.

Прежде всего оно нуждается в рациональном и дошкольном воспитании.

Но что значит рационально поставленное дошкольное воспитание? Можно-ли раньше школы врываться в жизнь ребенка с педагогическим воздействием? Не лучше-ли оставить его на полной свободе и предоставить самому себе?

Положительные искания в прошлом *) и горький опыт старого воспитания, пренебрегавшего связью души ребенка с окружающим миром, изучение детской природы, сделавшее значительные успехи за последние десятилетия, пробуждение общего интереса к вопросам педагогическим, все это в конце концов привело к тому, что дошкольное воспитание было признано серьезнейшей задачей, при чем в этой области особенное внимание обращают на себя два вопроса: 1) культура восприятия конкретного мира и 2) упорядочение детской активности. Наиболее отвечающее научным требованиям решение обоих вопросов дает педагогика Монтессори, основные черты каковой далее и характеризуются.

Все те, чья жизнь в раннем детстве протекала на воле, любили собирать осколки стеклышек, черепки от глиняной и фарфоровой

*) Каменский. Руссо, Песталоцци, Фребель и др.

посуды, камешки, обломки перламутровых раковин, цветные тряпочки, кусочки бархата, шелка, атласа, перышки, выпавшие от птиц, особенно пестрые перья голубей, собирать птичий пух. Каждый такой предмет мы любили, как что-то дорогое, интересное. Мы засыпали с мыслью, что завтра мы снова будем проводить время с этими драгоценностями, и с радостью, забывая все на свете, на утро бежали к этим милым друзьям, которые были тем еще хороши, что отличались изумительным постоянством. Взрослым со стороны эти наши занятия, эти привязанности могли казаться глупым ребячеством. На самом деле, они имели громадное значение в нашем общем душевном развитии.

Педагогика Монтессори внимательно подошла к этому важному моменту в развитии детской души, с великим тактом и чутьем внесла стройность и порядок в эту область, систематизировала необходимый для упражнений материал и закрепила таким образом, как обязательное требование, как норму, воспитание органов чувств („сенсорную культуру“).

Эта любовь к получению конкретных восприятий должна стать предметом особого попечения, чтобы затем остаться на всю жизнь, как необходимая хорошая привычка. Такая привычка сама по себе становится источником постоянных наслаждений. Ее до конца дней сохраняли в себе и берегли, как драгоценность, и великие художники, и великие поэты.

Гете особенно может служить поучительным образцом в этом отношении. „Есть минуты, — говорит он, — когда желаешь себе больше глаз, чтобы можно было, как следует, все вобрать в себя“.

Разработанный дидактический материал Монтессори, примыкающий к материалу для сенсорной культуры, дает далее систематическую школу для выработки точности и ловкости ручных движений на ряде простых, посильных, увлекающих ребенка упражнений.

Этот материал, с точки зрения взрослых, служит как бы игрушками. По существу же разрешает серьезную задачу и отвечает запросам детской психики.

А. Шуберт,*) вообще враждебно, как и некоторые другие (см. ниже), относящаяся почти ко всей работе Монтессори, не может не признать: „...все дети прямо поражали ловкостью и чувствительностью своих рук. Писали ли они, складывали ли пособия, разбирались ли в тяжестих (грузах) или доскутах материи, казалось, что мы имеем не простых детей, но маленьких фокусников. Дети с поразительной точностью разбирались в малейших градациях (оттенках) цветов, тяжести, шероховатостей. Конечно, то был результат ежедневного упражнения над пособиями.“

*) Вестник Воспитания, 1916, 2 (Февр.), стр. 92.

При этом необходимо помнить, что, по системе Монтессори, дети учат сами себя; вмешательство руководительницы в их работу чрезвычайно ограничено (см. ниже). Повторные упражнения, которыми дети с увлечением занимаются на дидактическом материале, удовлетворяют их сенсорный голод, который с возрастом слабеет.

В „детских домах“ Монтессори все приворовлено к детям, к их интересам, к запросам их возраста, к их масштабу, к потребностям разрешаемой здесь педагогической задачи.

Обстановка — проста, не обременена обилием ненужных вещей.

Как ребенку в первые месяцы жизни совсем не надо лишних предметов в его обстановке,—нужна более всего чистота, чистота и чистота, так и далее принципом педагога должен быть научный принцип простоты, экономии детских сил.

Всей педагогической технике предстоит, — пройдя через период хаоса, часто нелепых нагромождений,—выйти к приемам очень простым, изящным: ибо изящество — в простоте.

Дошкольная педагогика требует, чтобы ребенок все, что касается его самого, по возможности, делал сам. Страницы книги Монтессори,*) посвященные этому вопросу, дают исчерпывающий материал для его выяснения.

В детских домах дети далее сами убирают свои классные помещения, прислуживают по очереди друг другу во время завтраков и обедов. В обстановке сада им удобнее, чем дома, проделывать все эти работы, так как здесь все приворовлено к их росту, к их силам; здесь их мир, их среда; дома — они гости в мире старших, в мире взрослых, где вещи не по их размерам, где вся обстановка существует не для них.

Очень большое значение имеет общение детей одинакового возраста или близких годов между собою. В домах Монтессори, в одном помещении, занимаются дети, начиная с 3-х летнего возраста до 7 лет. Ничто так не способствует смягчению нравов, как общение с более младшими.

В домах детей каждый ребенок занят обычно своим собственным делом. Хотя дети, конечно, могут свободно и группироваться, как хотят, но — что важно — здесь не бывает коллективных уроков, при которых много детей, весь класс, наконец, делает одну и ту же работу, задаваемую учительницей.

Поэтому в доме детей для ребенка совмещены два условия: общение со сверстниками и сохранение полной личной самостоятельности. Это — наилучшая форма введения ребенка в человеческое общество. Это — первая буква азбуки общественности, самой труд-

*) М. Монтессори. Дом ребенка. Опыт научной педагогики. Изд. „Задруга“.

ной и самой сложной из всех азбук, которыми должен овладеть человек за свою жизнь.

Педагогика Монтессори требует руководительниц особого типа.

Педагогов, выросших на приемах интеллектуалистической школы, далеких от методов естествознания, особенно методов биологических, многое отпугивает и даже возмущает в педагогике Монтессори.

Педагог в прошлом привык быть учителем. Ребенок еще ничего не понимает; учитель же хорошо понимает, что надо. Ну, значит, дело просто: учитель, не мудрствуя лукаво, должен научить ребенка, что и как делать, как вести себя в том и другом случае.

Педагог по Монтессори спокойно и молчаливо наблюдает за ребенком, не вмешиваясь нисколько в его развитие, не упреждая в нем искусственно проявления тех или других его способностей. Все должно совершаться почти само собой; толчки исходят от педагога, когда последний чувствует, что ребенок подготовлен внутренним процессом, чтобы сделать необходимый шаг. Ребенок „готов“, как говорит Монтессори. Это и есть тот внутренний процесс развития, который ставил в основу педагогической работы Песталоцци. Руководительница должна быть внимательным, осторожным, добросовестным и точным наблюдателем. Это требует от нее большой подготовки 1) предварительной, в школе точного и биологического знания, и 2) особого педагогического опыта, почерпнутого в наблюдениях над детьми.

Она должна уметь, в конце концов, безошибочно почуять данную индивидуальность, уметь направлять линии детского поведения, не теряя ни на минуту спокойствия, не тратя излишних слов, не искажая своим воздействием свободно проявляющейся психики ребенка, не порывая тех нитей, которые привязывают ребенка к ней, и которые все сильнее и сильнее должны крепнуть, по мере того, как ребенок растет и развивается под ее наблюдением.

Только такая руководительница может разрешить и самую трудную задачу дошкольной педагогики — провести дисциплину при условии большой свободы, другими словами, заложить основы величайшего дела жизни всякой личности — основы умения владеть собой и свободно управлять своими желаниями, умения быть внимательным и послушным, доверчивым и расположенным, приветливым к людям.

Особенно изумляет требование Монтессори, чтобы руководительница была скупа на слова. Уважение к слову, к его великому значению, с одной стороны, с другой — серьезное отношение к той большой работе, которая происходит в маленьких на взгляд существах, собирающихся в детском доме, и, наконец, необходимость внимательно следить за каждым ребенком, за всем, что совершается в этом детском мире, — все это делает понятным и необходимым требование Монтессори.

Ребенок нуждается не столько в возбуждениях, в стимулировании, наоборот, для него, как правило, нужна спокойная обстановка, он — как в первые месяцы и годы жизни — еще долго, (а может быть, и всю жизнь?) будет нуждаться в покойных, невозмутимых условиях. Этой цели отвечают в педагогике Монтессори также и „уроки тишины“, столь полезные как для успокоения детей, так и для развития в них умения управлять собой, своими движениями.

Вообще, учитель и учительница, неутомимые, беспокойные, с утра до вечера говорящие и надрывающиеся над объяснениями того, чего дети никак не возьмут в толк, должны возможно скорее исчезнуть со сцены, быть сданы в архив и замениться педагогами спокойными, вдумчивыми, не тратающими лишних слов, но умеющими разжечь и поддержать внутренний пыл в учащихся, разогреть их самостоятельность, как развести топку и пары в машине, без криков — сосредоточенной молчаливой работой, и этим способом повсеместно превратить нестройное собрание пестрых индивидуальностей в стройное дружное общество, в согласное сотрудничество, в начало трудовой коллективной единицы.

Америка, отставшая от культурной Европы в области философского и научного знания, но зато далеко опередившая последнюю в деле строительства первых ступеней школы, могла первая оценить глубокое педагогическое значение идей и методов Монтессори и дать им простор и возможность широко развиваться на своей почве.

На нашей русской почве педагогика Монтессори была встречена педагогами, за редкими исключениями, недружелюбно и даже враждебно. Может быть, даже это и хорошо. Он представляет собою слишком деликатное, слишком тонкое орудие и огрубению не поддается. Поспешное увлечение ею более широких кругов отозвалось бы вредно на результатах ее применения.

Но не может быть никакого сомнения, что за педагогикой Монтессори обеспечена полная победа в будущем.

Мало того, она несет с собою обновление идей и приемов не только в сфере дошкольного воспитания, но и во всей системе воспитания. Это обновление будет заключаться не в подражании ей, а в осуществлении основного принципа — в том, чтобы угадать интересы возраста и разработать систему упражнений, соответствующих этим интересам. Многое уже и сделано частично в этом направлении.

Корни трудового воспитания, здоровые и крепкие, педагогика может иметь только в методах и технике системы Монтессори.

Мы говорим о педагогической системе Монтессори в деле дошкольного воспитания, а не о системе Фребеля, потому что последняя представляет собою уже пережитый момент по отношению к самому раннему детству. Она являлась первым приближением к истине и, как таковое, представляет чрезвычайно интересный факт, поучитель-

ный во всех отношениях. Но, как первое приближение, она была еще хаотична и опиралась на гениальное чутье, не имея за собою ни научной психологии и педагогики, ни опыта изучения души ребенка. Как почти в каждом новом шаге науки мы проходим через период нащупывания, через пробы, нередко сложные, делаемые ощупью, чтобы потом, опираясь на изучение, перейти постепенно к приемам простым по идее, изящным,—то же самое мы имеем и в каждой практической отрасли человеческой деятельности, то же самое, конечно, применимо и к педагогике. Это есть выражение общего *принципа экономии*, к соблюдению которого вольно и невольно идет человеческий ум во всех областях.

Вторым необходимым условием для поддержания интереса к труду в стенах школы является создание и поддержание внешней обстановки, наиболее благоприятной для развития ребенка. Прежняя педагогика, стремившаяся прежде всего превратить ребенка в искусственного автомата, в обезличенное существо, лишенное, по возможности, всяких индивидуальных свойств, помещала его в здание казарменного, иногда же и тюремного типа, в устройстве которого потребности ребенка, как существа с дремлющими, разносторонними духовными и умственными интересами, не находили себе никакого ответа и отражения. Хотя в педагогике, казалось бы, давно провозглашен принцип: „воспитывай согласно с возрастом“, но осуществить его не умели, так как и фактически не признавалось нужным вникать в особенные интересы различных детских возрастов, а тем паче не умели еще считаться с особенностями индивидуальных психических организаций. Теперь педагогика вышла на дорогу и в этом отношении. Утрачивается казарменный характер школьной обстановки; в ней стремятся создать возможный уют, сделать ее приветливой, привлекательной, наконец, удобной для разнообразной работы, какую выполняет учащийся. Устраиваются кабинеты для занятий различными предметами, оборудованные согласно требованиям соответственного предмета. В наиболее благоустроенных школах и труд, и отдых ученика обставляются даже некоторым комфортом. Обращается большое внимание на эстетический характер всей обстановки. При этом сами учащиеся начинают принимать все более близкое участие как в создании этой обстановки, так и в поддержании ее в порядке и в должной исправности.

Третье условие, обеспечивающее развитие и поддержание интереса к трудовым навыкам, составляют специально те учебные предметы и те практические занятия, которые особенно могут развивать в ребенке, с одной стороны, его природный интерес к миру явлений, с другой — активное к ним отношение. Прежняя школа рвала связь ребенка с миром явлений. Теперь, наоборот, всячески стремятся к тому, чтобы ее сберечь, укрепить, углубить и осмыслить. Эта цель

достигается в школе ручным трудом, природоведением с практическими занятиями и экскурсиями, физикой и химией, — также непременно с практическими занятиями и экскурсиями, рисованием и черчением, а также лепкой, т. е. ваз. наглядной геометрией, работами на открытом воздухе, как-то работами хозяйственного типа (в некоторых школах), простейшими практическими занятиями по землемерию (в связи с геометрией); сюда же надо отнести и спортивные упражнения.

Каждый из перечисленных учебных предметов, каждая из отраслей занятий разрабатывается в настоящее время очень обстоятельно, в целях достижения той или другой специальной педагогической задачи. Но на этих подробностях мы не останавливаемся.

Весьма существенным элементом в деле трудового воспитания является *правильно в педагогическом отношении поставленный ручной труд*. Этого вопроса, в виду его спорности и новизны для нашей школы, мы коснемся несколько подробнее.

В общеобразовательной школе ручной труд находит себе приложение, главным образом, в следующей форме: 1) работа из бумаги и картона; 2) обработка дерева (столярные работы); 3) обработка металла (простейшие слесарные работы).

Воспитательное значение ручного труда обуславливается следующими сторонами:

1) учащийся имеет перед собою точно определенную *конкретную задачу*,

2) вещь (полка, вешалка и т. п.), которую учащийся должен сделать, имеет точное, вполне определенное *назначение*;

3) для того, чтобы сделать эту вещь, необходимо владеть теми или иными *техническими приемами*; им надо научиться;

4) размеры вещи определяются ее назначением; размеры частей лишены произвольности; требуются *тщательные, аккуратные измерения*;

5) работа требует *физического напряжения*, в котором участвует не одна какая-либо группа мышц, а в большей или меньшей степени *весь организм*; усилие распределено, а не локализовано. Чувство физического обновления, следующее за напряжением и усталостью, становится более общим;

6) вся совокупность действий дает в короткое время *очевидный, наглядный и полезный результат*; не приходится отодвигать цели на далекое расстояние от самого процесса работы; не приходится утешать учащегося афоризмами, мало для него убедительными, — о горести корней и сладости плодов учения. Момент удовлетворения приближен к самой работе; это позволяет пред'явить

7) *требование* возможно большего *совершенства работы*; это требование вытекает для ученика из самой работы, вполне очевидно для него, а не диктуется только авторитетом руководителя. Этот

пункт заслуживает особого внимания. Каждая работа, выходящая из рук ученика, должна носить на себе печать стремления к совершенству, к большей законченности. Под законченностью разумеется здесь не столько внешнее, сколько внутреннее качество работы, а именно: соответствие вещи ее назначению, солидность, прочность, чистота работы. Конечно, должно руководиться всегда также и стремлением к изяществу исполнения. Однако, не следует понимать под законченностью внешней, красивой отделки. Так, напр., нет надобности гнаться за тем, чтобы деревянные вещи были непременно отшлифованы, отполированы и лакированы. Это излишне в педагогическом ручном труде.

В ручном труде, — как, собственно говоря, и во всей воспитательной работе, не должно быть места дилетантскому, легкому отношению. Дилетантизм как раз и мешает ручному труду занять должное место в общей воспитательной работе, не только тормозит введение ручного труда, а превращает его в занятие крайне вредное. Ручной труд или надо ставить, как следует, или совсем не вводить. Только при условии серьезной его постановки мы будем иметь пользу от него; только при таком условии он будет давать удовлетворение ученику и будет способствовать развитию внутреннего, глубокого интереса к труду вообще, будет будить и поддерживать в душе ученика эстетическую и этическую эмоцию трудового начала, присутствие которой в этом деле, пожалуй, самое главное.

3) Как общий результат, правильно поставленный ручной труд сообщает практичность, умение найтись в конкретной, хозяйственной обстановке, дает осязательно почувствовать ценность работы, смысл ее, развивает убеждение, что вообще для того, чтобы что-либо получить, чего-либо достичь, надо поработать и при том поработать планомерно.

В параллель „сенсорной культуре“, которая достигается систематическими занятиями детей в дошкольный период на дидактическом материале Монтессори, ручной труд должен дать культуру „моторных“ процессов, упорядочивая их на систематически подобранных работах. В этом отношении ручной труд является необходимым дополнением гимнастических и спортивных упражнений. Но в упражнениях гимнастических и спортивных развиваются крупные группы мышц. Ручной же труд должен дать упражнения мелким мышцам обеих рук и тем обеспечить развитие ловкости и точности в работе руками и отдельными пальцами.

Подобно „сенсорному голоду“, особенно сильному в раннем периоде, существует „моторный голод“ организма, который должен найти себе пищу, дающую ему полное удовлетворение.

Удовлетворение того и другого голода при помощи рациональных приемов соответственной культуры чрезвычайно благотворно

отражается на формировании всего склада учащегося, затрагивая не только область умственных процессов, но и моральную деятельность.

Необходимо резко отличать ручной труд, как элемент „трудового воспитания“, от ремесленного обучения:

а. „Трудовое воспитание“, как сказано выше, есть совокупность приемов и методов, стремящихся разрешить определенные задачи общего образования. Оно имеет в виду психику учащегося и ищет способы наилучшего развития ее в определенном направлении: осуществляется в пределах общеобразовательной школы руководителями, которые должны обладать педагогической подготовкой.

б. Ремесленное и профессиональное обучение есть особая отрасль учебного дела, имеющая целью дать учащемуся специальную подготовку, состоящую в изучении какого-либо ремесла или профессии. При таком обучении внимание обращается не столько на общее развитие учащегося, но, преимущественно, на сообщение ему узко-специальных практических навыков.

Ремесленное обучение осуществляется при посредстве *особых ремесленных школ*, в которых руководителями являются специалисты.

Такие школы должны быть солидно оборудованы согласно современным требованиям соответственных специальностей.

В деле ремесленного обучения заслуживают особого внимания:

1. учреждение учебных мастерских;
2. показательных учреждений и, наконец,

3. та форма дополнительного образования, над осуществлением которой много работал Кершенштейнер в Мюнхене, организовавший дополнительные школы в связи с интересами различных ремесл и производств, где рабочие могут получать и дальнейшее общее образование и совершенствоваться в своем специальном деле, знакомясь с лучшими приемами работы и с научным освещением различных сторон дела.

В деле ремесленного и профессионального обучения — в какой угодно отрасли — „трудовое воспитание“ является необходимейшей *подготовительной школой*. Заменить собою ремесленное обучение „трудовое воспитание“ не может, и самым ремесленным обучением заменено быть также не может.

Дальнейшим условием, необходимым для достижения целей трудового воспитания, является внесение во все учебные предметы обновленных методов преподавания, содействующих развитию самостоятельности учащихся, активной переработке усвоенного материала и поддерживающих тем самым живой интерес к изучаемому. Сюда относятся знакомство с первоисточниками знания, рефератные работы, отчеты в самостоятельных наблюдениях учеников об их летних экскурсиях и т. п.

Методика преподавания каждого из этих предметов — дело сложное, и в двух словах изложить ее было бы затруднительно. Каждый

учебный предмет требует от работников своей собственной подготовки. К делу преподавания вполне применимо требование квалифицированного труда, квалифицированного работника.

Преподаватель должен быть мастером своего дела. К сожалению, при отсутствии у нас специально педагогической подготовки, преподаватели с большою легкостью, по требованию свыше, готовы менять, без особых для того данных, и педагогические принципы, и педагогические приемы, и даже преподаваемые предметы. В своих школьных воспоминаниях Л. Ф. Пантелеев рассказывает, как их латинист, за упразднением латыни, стал сразу же преподавать естествознание. Польза от таких превращений не всегда бывает. Подобные превращения возможны, конечно, и в наше время.

Если угадан тип работы, соответствующий возрасту, то учащийся, отдаваясь ей, будет жить полной жизнью, пить знание жадно, полными, большими глотками, будет выполнять свою работу с самозабвением. При таком условии он учится незаметно, не только без тягостного самопринуждения, но с радостью выполняет необходимые для работы усилия, даже если эти усилия чрезвычайны. Если воспитатель сумел создать этот повышенный тон, тон глубокой и сильной радости в работе, то ученик переходит легко от одного этапа работы к другому и непрерывно совершенствуется. Может быть, даже для человека нет более высоких, более благородных наслаждений, чем те, какие он переживает в эти моменты, связанные с чувством самосовершенствования. И счастлив педагог, который умеет открыть перед своими учениками этот путь и научить их первым шагам по этому пути.

Привыкнув к школе, где обычно школьная работа была сопряжена с неприятностями, с тяготой, мы готовы отнестись с недоверием к такой школе, где дети получают знание радостно, где воспитательная работа доставляет удовольствие как воспитываемому, так и воспитывающему. Многие относятся очень скептически к самой возможности существования таких условий.

Но это — не сказка и не заблуждение!

Однако, удовольствие удовольствию рознь!

Если учитель вносит чисто внешние развлечения, внешнюю занимательность в преподавание, то иной раз он сделает и очень вредное дело. Мы говорим не о таких удовольствиях, доставляемых внешними приемами. Мы говорим о тонком и высоком умении преподавателя помочь ученикам открыть в изучаемом предмете и в работе над ним источник внутреннего интереса, глубокого духовного наслаждения.

По отношению к школьной работе, нужной для получения того или другого результата, речь идет не о том, чтобы уменьшить необходимые для совершения ее усилия и напряжения, а о том, чтобы

пробудить в учащемся неудержимую охоту во чтобы то ни стало эти и еще большие усилия делать, не пасовать перед препятствиями, а, наоборот, преисполняться решимостью эти препятствия преодолевать, идя, быть может, на крайнее напряжение сил. Дух истинного трудового воспитания — в развитии сильной и деятельной воли, вместе с ясною мыслью!

Наконец, завершается подобная система воспитания организацией учащихся своих кружков, отвечающих своей работой их различным, самостоятельным запросам, изданием журнала, устройством школьных кооперативов, самостоятельных летних экскурсий и т. под.

Некоторые учебные заведения придали трудовому воспитанию характер трудовой повинности в стенах школы. Именно, всю т. н. черную работу, которую ранее несла особая прислуга в школе, возложили на учащихся. При этом оказалось, что все время учащихся поглощается этот черной работой, так что для работы умственной времени не остается.

Само собою разумеется, что это — совершенно ложное понимание трудового принципа. Надо уяснить и непрерывно повторять, что трудовое воспитание есть совокупность *улучшенных приемов* школьной работы, *в целях наивыгоднейшего достижения цели воспитания*. Воспитание же должно принаравливаться не к каким-либо внешним влияниям, откуда бы они ни исходили, а к духовным насущнейшим запросам самих учащихся, их разнообразным интересам, оно должно идти навстречу удовлетворения их духовному голоду. Учить человека — быть человеком, духовно высоким и сильным: это — при всех условиях должно остаться первой задачей школы.

Прежняя школа отрывала ребенка от семьи, от домашнего быта, от среды и поселяла навсегда глубокий разрыв между школьником и той средой, из которой он приходил в школу.

Сближение семьи и школы — вот задача, которую стремятся разрешить за последние десятилетия различными способами, осуществляя родительские организации, привлекая родителей к строительству школы, к участию в школьной работе. Отдельные семьи объединяются между собою, чтобы вести совместно воспитание своих детей и работать объединено над построением своих учебных заведений.

Еще Песталотци всегда рисовал себе организацию школьной работы в таком виде. Учащийся, находясь возможно дольше под культурным воздействием школы, в то же время остается теснейшим образом связан со своей родной обстановкой. Культурные начала, свежо воспринимаемые детской душой, сейчас же становятся достоянием среды. При этом условии просветительная работа совершалась бы особенно производительно и превратилась бы в истинное социальное дело.

Эта идея Пасталоцци сохраняет и по настоящее время все свое жизненное значение. Но наилучшее разрешение она пока получила в "Домах детей" Монтессори в Риме. Здесь матери непрерывно соприкасаются с учреждением и всегда пользуются советами руководителей.

В этом же направлении действуют также и консультации, и патронат в деле охраны младенчества.

На остальных ступенях дело сближения семьи и школы еще далеко от разрешения.

С тем, чтобы лишить работу школьника черт оторванности, отрешенности от жизни, отличавших ее до сих пор, между прочим, среди других мер предложены были при проведении трудового воспитания, в частности, по отношению к ручному труду следующие меры:

1. Заимствовать формы ручного труда непременно из окружающей ребенка обстановки. Помимо таких резко-отличных друг от друга отраслей, как сельско-хозяйственная и фабрично-заводская, каждая из них в отдельности, в зависимости от местных условий, может представлять те или другие разнообразия.

2. Предлагают далее, как это мы видим, между прочим, и в декларации Комиссариата, прямо перенести практику или часть ее в данное учреждение, на фабрику, на завод, поступая так, примерно, как поступают высшие специальные учебные заведения, командировав учащихся на летнюю практику на заводы. Таким путем имеется в виду дать почувствовать учащемуся на самом себе все те условия, в которых протекает жизнь рабочего, показать ему подлинную действительность, а также сообщить ему навыки настоящей работы, поведенной в обычные условия.

3. Наконец, предлагается даже превратить работу школьника в долгий производительный труд, заставив его работать для практических целей, наконец, прямо на рынок.

Рассмотрим все эти три предложения по отдельности.

1. *Заимствовать формы занятия ручным трудом из местных окружающих производств.*

Вводя ручной труд, мы должны преследовать прежде всего вполне определенные, чисто педагогические задачи: развить ребенка в определенном направлении, воспитать в нем определенные навыки. Ручной труд есть лишь средство. Поэтому если известная работа, заимствованная из местных производств, могла бы заменить собою в частности ту работу, которая в педагогике признана наиболее рациональной для достижения известной цели, тогда замена может быть произведена без ущерба для дела. В противном случае, этой замены делать нельзя.

Техника обучения ручному труду представляет результат большого и длительного опыта, который и надо умело использовать. Каждый отдельный случай требует поэтому особого обсуждения с разных сторон.

2. *Перенести практику учащихся на фабрику или на завод.* Едва ли рационально искусственно связывать школу с заводом и фабрикой таким путем. Работа в фабричной обстановке слишком сложна, чтобы ее можно было взять в виде иллюстраций в школьном обучении. Работа школьная представляет собою дело довольно деликатное, чтобы в нее внедрять, как составной элемент, фабричную жизнь и обстановку. Тип иллюстраций, которые мы вводим в педагогическую работу, не должен быть очень сложен, чтобы оказать ожидаемую пользу. Успех таких иллюстраций всецело определяется тем, чтобы внимание учащихся не было разбито, раздроблено, чтобы оно могло быть направлено на тот предмет, который привлекается, как иллюстрация. Иначе цель не будет достигнута. Каждый натуралист, знакомый с методом наблюдения, знает, что надо упрощать, а не усложнять условия наблюдения. Поэтому, со стороны чисто педагогической, такой прием представляется более, чем сомнительным. Что же касается той мысли, что таким путем учащийся на себе узнает, в каких условиях протекает жизнь рабочего на заводе, и сам становится на время рабочим, то это уже эксперимент социальный. Наперед ручаться, что подобный эксперимент всегда дает результат положительный, трудно. Следовало бы подобные эксперименты подвергать обстоятельному обсуждению в каждом отдельном случае. В развитии дела преподавания физики и химии в средней школе мы теперь подошли уже к систематической организации экскурсий на фабрики и заводы. Подобные спорадические экскурсии, устраивавшиеся отдельными учебными заведениями, отдельными учителями давали хорошие результаты. Собранный опыт привел к тому, что теперь осуществляется попытка систематизировать такие экскурсии и расширить этот прием. Быть может, развивая этот опыт, практика придет и к положительному решению поставленного выше вопроса. Здесь надо ждать, что скажут первые шаги опыта в замеченном направлении. В развитии дела, во всяком случае, нужна постепенность.

Но есть одна форма сближения фабрики и школы, заслуживающая серьезнейшего внимания. Мы имеем здесь в виду организации *дополнительных школ при заводах и фабриках* для рабочих. Эти школы, не только общеобразовательные, но и специальные по предметам, примыкающим к данному производству, дают, как показал опыт Кершенштейнера в Мюнхене, наилучшие результаты. Подобные опыты должны найти и у нас подражание и поддержку. Они могут дать в будущем результаты и для общеобразовательной школы в деле про-

ведения начала трудового воспитания, хотя в данном случае мы уже соприкасаемся с образованием профессиональным.

3. *Придать труду школьника прикладной характер.* Этот пункт разрешается трояко: а) в общеобразовательной школе ручной труд принципиально должен быть лишен какого бы то ни было прикладного характера — как правило. Речь идет об уроках ручного труда, а не о внеклассных занятиях учащихся. Это — школа, работа производится исключительно для сообщения ученику тех или других навыков. Вот почему американцы, имея в этом отношении долгий опыт, пришли в некоторых школах к тому, что изделия, приготовленные на уроках ручного труда, истребляются и в применение не идут. Их постигает та же судьба, что и использованные тетради.

б) Другое дело — свободные занятия школьников во внеклассное время. Сюда могут относиться — изготовление приборов для физики, природоведения, географии и т. д., наконец, приготовление самим школьником всего, что он пожелает. Такие занятия заслуживают всяческой поддержки и поощрения. Но их, ни в коем случае, нельзя вводить в занятия обязательные, в учение.

в) В деле чисто ремесленного обучения не только прикладной характер работ, но и приготовление предметов на продажу вполне допустимо и желательно.

Всего неопределеннее, пожалуй, при трудовом воспитании дело обстоит с таким важным учебным предметом, как родной язык.

Как внести в его преподавание развитие трудовых навыков? И как использовать самый предмет в согласии с общей задачей?

И есть некоторая, а может быть, даже и большая опасность, что над этим предметом в школе станут производить такие эксперименты, которые отзовутся вредно на центральной задаче воспитания.

Трудовая школа должна дать учащемуся точную, ясную и красивую речь, сохранив индивидуальный ее характер, дать умение уверенно и свободно развивать свои мысли как в устной, так и письменной форме, интерес и горячее тяготение к родной и мировой литературе, как к выразительницам идеалов, и навсегда сроднить душу учащегося с этим высшим миром.

Для нас в свое время первый подход к литературе отравлялся нагромождением грамматического разбора на чудные строфы Пушкина и Лермонтова.

Но и в последние годы ученик передового училища средних классов на вопрос: „Что у вас делается на уроках русского языка?“, — отвечает: „Опять эти проклятые „Старосветские помещики“! Пишем характеристику Афанасия Ивановича“. Выходит, что и здесь очарование Гоголевского гения, столь доступного душе учащегося почти на всех ступенях, быть может, уже убито, или, по крайней мере, отравлено, а на какое время? кто на это ответит?

Да, для выполнения перечисленных задач нужны люди с неким помазанием.

Как мусульманин, входя в мечеть, испытывает благоговейный трепет, так и преподаватель русского языка и литературы не может не испытывать также особого трепета, здесь еще вдвойне — за себя — он входит в храм, так как соприкасается с душой родного народа в ее благороднейших и высочайших проявлениях, и за учеников, так как души неофитов он приближает к священному алтарю.

В его руках судьба этих душ. От него зависит, если это первое соприкосновение будет неудачно и оставит в душе их пустоту и холод, вместо того, чтобы наполнить их жаждой духовного наслаждения и согреть священным огнем высоких стремлений.

Гуманитарные предметы, включая в их число и русский язык, должны рассматриваться, как своего рода высший ярус над предметами, касающимися мира конкретного, высший не по времени, а по внутреннему содержанию.

Предметы конкретные, к которым применение методов трудового воспитания много проще, составляют очень ценную школу и для предметов второго яруса или предметов второго порядка. Они дают привычку к ясным, отчетливым и устойчивым впечатлениям и усвоениям: в корне знаний было конкретное восприятие, следовательно, и на самостоятельно и активно полученных выводах лежит печать такой же достоверности, какой отличаются для нас восприятия при помощи наших органов чувств.

Эти черты твердости, устойчивости, естественно, должны быть перенесены и на предметы второго порядка.

Мир поэзии, мир идеала должны чувствоваться, не как мечта, относящаяся к миру иному, а как реальность особого рода. Он есть нечто здесьнее, наше.

Ведь и в этой области переход к работе идет также через мир конкретных переживаний. Только здесь этими конкретными переживаниями служат непосредственные впечатления от произведений поэтов и писателей. Но этот мир, хотя и построен воображением, есть мир реального порядка. И идеал также должен, в конце концов, стать для нас явлением реального, человеческого мира.

Следовательно, параллельно культуре конкретного восприятия, должна идти культура восприятия внутреннего при помощи воображения, опирающегося на хорошо известную реальность, путем все более и более осложняющихся переживаний — порядка эстетического и этического. Однако, мы не станем останавливаться на рассмотрении, как далеко можно продолжить этот параллелизм.

Но есть один пункт, в котором параллелизма мы не можем не отметить. А именно, как в дошкольный период вредна учительница, старающаяся идти впереди детей, старающаяся их учить, так и

в этой области вреден учитель, который старается увлечь учащихся своим пафосом, впускать им свои взгляды, настроения, свои симпатии и антипатии. И здесь, как всюду, преподаватель должен отходить на задний план перед конкретным явлением, каковое здесь состоит в сближении психики ученика с личностью поэта и писателя; здесь очень вредна еще не исчезающая и держащаяся по рутине привычка преподавателей все обливать своими речами, бесконечными и ненужными, утомительными для учащихся и убивающих самостоятельный, живой интерес к предмету. Помимо отчетливого фактического содержания, каковым должно отличаться преподавание гуманитарных предметов в полную параллель с предметами реальными, и здесь должны найти себе применение слова Данте, цитируемые Монтессори: „веди счет словам своим“.

На старших ступенях обучения преподаватель особенно должен стремиться к тому, чтобы сделать себя возможно скорее как бы ненужным для учащихся. Он должен помнить, что его ученикам предстоит жить своею жизнью, своим умом, держаться на своих собственных ногах. Поэтому, чем раньше он сделает их самостоятельными и укрепит их независимость, тем лучше выполнит свою педагогическую роль.

Работа учащихся должна выступить на первое место. Программы следует сильно сократить, но зато выдвинуть новые приемы, основанные на самостоятельной (неподражательной) работе учащихся.

Чрезвычайно желательно устанавливать в разработке методов преподавания предметов, реальных и гуманитарных, связь и возможность взаимного влияния как в стенах отдельного учебного заведения, так и в общей педагогической работе, тем более, что нельзя делить резко, как стремились раньше, предметы гуманитарные и реальные по разным школам. Существовавшая до сих пор разединенность учебных предметов вредно отражалась и на самих предметах, и на учениках.

В итоге трудового воспитания, столь непохожего на прежний воспитательный строй, мы должны получить лучшие плоды. Собственно говоря, эти плоды указаны выше в перечислении задач трудового воспитания. Перечисление, данное там, опирается не на мечты а есть выражение действительности. Эти плоды, в самом деле, можно получить.

Существеннейшими чертами, даваемыми трудовым воспитанием, должны явиться:

1. Реализм в отношении к миру и к людям.
2. Жизнерадостность и оптимистический душевный склад.
3. Активность.
4. Чувство собственного человеческого достоинства и уважение к достоинству другой личности.

Реализм, жизнерадостность, активность, чувство человеческого личного достоинства...

Попробуйте слить эти элементы в одно живое целое, в одну живую личность, в один процесс личной деятельности, и вы должны будете согласиться, что это хорошо и много.

Вспомним, как вредно отражались не только на деятельности отдельного человека, а на судьбе целых поколений мечтательность, оторванность от действительности, от жизни, сентиментализм, романтические мечты о „голубом цветке“, о чаше Грааля, увлечение идеалистической философией — спиною к жизни — эстетизм. Конечно, все это лучше, чем примитивное равнодушие к жизни или простодушное погрязание в удовлетворении одних лишь грубых потребностей.

Но нарисуйте себе реалиста, для которого интересно все человеческое, который умеет различать в пестрых впечатлениях жизни элементы, годные для творческой работы, нужной для достижения идеальных целей, умеет схватить, привести в действие эти элементы и их использовать, проявляет в этом то искусство, какое он научился проявлять во всей своей деятельности.

Он берется за работу, потому что его толкает на это присущий и развитый его интерес. Если же он берется, то потому, что знает, что задачу разрешит, и знает, как надо ее решать. Он разрешает ее, и чувство достоинства в нем растет. Успех хорошего дела его радует не только лично за него, но в каждом таком деле он вырастает духовно, и в себе самом он выше всего ценит не личный успех, а рост человеческого, проявление высшего духовного начала.

Таков истинный реализм. Он может и должен проводиться в сознание людей через школу, через воспитание.

Одностороннее взгляд, что реализм может признавать лишь то, что может быть оцущано руками.

Духовные ценности, которым посвящали свою жизнь лучшие представители человечества, были столь же реальны, как и то, что можно взять в руки. Эти ценности называли идеалами и иногда отодвигали в особый, далекий от нас мир. Но ведь в жизни в последствии эти идеалы осуществлялись, воплощались в действительность и становились осязательною действительностью не для одного какого-нибудь наивного мечтателя, а для многих, для масс.

Особенно это бросается в глаза в области педагогической работы. То, что теперь мы можем осуществить в форме трудовой школы, было ясной, до осязательности реальной мечтой Песталоцци.

Люди трезвые, люди примитивного воззрения, смеялись над Песталоцци, считали его чудаком, не приспособленным к жизни.

Но он носил в своей душе идею, которой суждено было в далеком будущем воплотиться в реальность.

Теперь не трудно понять, что трудовое воспитание посложнее, чем одно только введение ручного труда в школьную практику.

Это лишь одно из очень хороших средств для его достижения.

Главная же цель воспитания как была, так и впредь останется — накопление и нарастание истинного человеческого в людях через школу, через воспитание.

С. Созонов.

Искусство — народу.

Необходима была гибель множества редчайших произведений искусства, „чтобы люди поняли, сколько культурных ценностей они потеряли, благодаря своему равнодушию к искусству и невежеству пародной массы, и что необходимо спасать и охранять всеми мерами оставшиеся сокровища от полного разрушения“. Даже в народных массах, стоявших до сих пор далеко от искусства, пробудился интерес к искусству. Смутно чувствовали они большую его культурную ценность, хотя большинство еще плохо разбиралось в сложном и трудном для понимания — пластическом искусстве.

В Западной Европе, где почва для восприятия художественных идей подготовлялась в народе вековой культурой, там все новые начинания в искусстве и, в особенности, в художественном воспитании, как экскурсии и лекции по искусству, могли производиться в более широком масштабе, систематично и имели, конечно, больший успех в народных кругах, чем у нас, где руководители наталкивались на полную неподготовленность своей аудитории.

С особенной остротой это сознавалось в художественных обществах и кружках, которые ставили себе задачей популяризацию искусства, и художниками, задыхавшимися в атмосфере безразличия к искусству, вторгшегося в нашу, и без того серую, безотрадную, лишенную красоты, жизнь. Всеми чувствовалась потребность создания для искусства необходимой ему художественной атмосферы путем пробуждения в народе интересов к искусству, любви и потребности в красоте развития лучших его духовных сил. Сознавалась необходимость создания художественной культуры. Назревала потребность внести искусство во все уголки нашей жизни, пропитать ее лучами красоты и этим подготовить почву для расцвета искусства чистого, кустарного и художественно-промышленного. Предстоял путь долгий, трудный, но светлый и отрадный. Путь, по которому до нас проходили народы с более старой культурой.

Мы знаем, что в одной из самых развитых промышленных стран, а именно — Америке, где долгое время заботились лишь о

культуре ума, могли появиться и иметь успех такие пионеры художественного воспитания, как Л. Тэдд и Л. Прон, только благодаря тому, что общество, разочаровавшись в исключительном благе промышленной техники, обезличившей человека и не давшей человечеству полного, обещанного счастья и удовлетворения, убедилось, что искусство не может развиваться в неблагоприятной, враждебной для него среде, и что промышленность, лишенная искусства — должна стать чудовищно грубой и варварской. При отсутствии художественного воспитания ремесленники смогут дать лишь пошлые, шаблонные и безобразные по безвкусию предметы, лишенные свежести мысли, индивидуального творчества и красоты. Совершился переворот, и Америка первая позаботилась о художественном воспитании народа и ввела в школах новые принципы в преподавании графических искусств, беседы по искусству, экскурсии и положила начало художественному оборудованию школ и жилищ. Чем выше художественное развитие всего народа, как, напр., в Японии, чем глубже его интерес и понимание искусства, тем выше его художественная промышленность.

Напомним, что в эпоху Возрождения ремесленные цехи дали шедевры прикладного искусства, и в это время не было между ремесленниками и художниками той пропасти, которую мы наблюдаем в наши дни. Если мы желаем поднять декоративное искусство, мы должны сблизить рабочего с художником и с искусством и окружить его, насколько возможно, произведениями искусства, сделать доступными созерцанию предметы и искусства.

Для развития искусства необходимо, вообще, создать благоприятную почву. „Необходимо“, говорит И. Тэн в „Философии Искусства“, „создать известную „моральную температуру“, чтобы таланты определенного склада получили развитие; если ее недостает, они остаются мертворожденными“. В эпоху Возрождения, по словам Тэна, весь народ принимал участие в творческой работе великих мастеров, создавая благоприятную атмосферу. Там же, где существовало равнодушие к искусству, благодаря грубости, невежеству и рабству всего народа, искусство не могло процветать, художники могли опираться на небольшие группы „избранных“, более развитых эстетически, более утонченных людей, как это было, напр., при дворе французских королей, но такое искусство, взращенное на подобие экзотического растения в оранжерее, было осуждено на увядание при первом дуновении свежего ветерка извне. Нежное, изящное искусство, служащее только некоторым избранным классам, не может быть сильным и иметь возвышающее, облагораживающее влияние на весь народ. Искусство должно быть народным, но для этого художники не обязаны вовсе подлаживаться под вкус и уровень народа. „Произведение искусства должно господствовать над зрителями“, говорит Хайльд в книге

„Душа человека при социализме“, зритель же „должен господствовать над произведением искусства, зритель должен быть восприимчив, он должен быть скрипкой, на которой будет играть артист. Искусство никогда не должно стараться популяризироваться. Публика сама должна стремиться к тому, чтобы сделаться художественной. „Если у вас нет необходимого корня“, говорит дальше Уайльд: „вы никогда не получите необходимого цветка“.

Для народного искусства должна быть подготовлена почва, в народе должны быть развиты интерес и любовь к искусству. Тогда из народа выйдет национальное, самостоятельное, самобытное, близкое и понятное всем искусство.

Но как насадить в народе художественную культуру.

Мы далеки от мысли, что экскурсии и беседы по искусству сразу сделают доступным пониманию художественные произведения и превратят любого человека в любителя и ценителя искусства, и способны облагородить каждого. Искусство не может быть „универсальным средством от всех болезней“, и посредством „натаскивания“ и планомерной „дрессировки“ невозможно, конечно, человека, слепого к красоте, сделать зрячим.

Мы знаем также, что у большинства людей чувство красоты в душе имеется, оно не дремлет, и нужен толчок, чтобы пробудить его, чтобы глаза их открылись, и они увидели и поняли все прекрасное.

Поэтому эстетическое воспитание народа следует начинать с молодежи. Юношество выносит из всех школ как народных, так и средних, слишком мало эстетических и художественных запросов. Но почти немыслимо, чтобы в ребенке пробудился эстетический смысл без побудительного влияния школьного обучения, ибо дети, покидающие народную школу, почти всегда, а среднюю школу — очень часто, сейчас же по выходе из нее, вовлекаются в жестокую борьбу за существование и лишены возможности заниматься „роскошью“, искусством. Поэтому современное стремление к художественному воспитанию в школе имеет большое значение для будущей эстетической культуры народа (Мейман—Эстетика).

Развить эстетический вкус можно не только на картинах, скульптуре и т. п. Эстетическое чувство может быть развито и изучением природы, созерцанием ее красот.

Не один ландшафт, эстетическая ценность которого вряд ли доступна человеку, в художественном отношении мало развитому, но изучение всего живого в природе: цветов и птиц, насекомых, животных содействует развитию вкуса и понимания цвета и формы. Лишь тот, кто научится наблюдать и любоваться природой, будет в состоянии разобраться самостоятельно в художественных произведениях.

Неисчерпаемым источником для развития наблюдательности и глаза, с эстетической точки зрения, могут дать занятия по естествоведению.

При рассматривании птиц, насекомых, цветов и т. п. в Зоологическом и Ботаническом садах и музеях руководителям следовало бы больше обращать внимание экскурсантов на закономерности и красоту в природе. Подчеркивая эстетическую сторону, руководитель тем самым пробуждает любовь ко всему живому, возбуждая в то же время интерес и к науке.

Также следовало бы отнестись и к Этнографическому музею: наряды, оружие, утварь—яркие показатели творчества, эстетического вкуса и художественных стремлений народа. Непосредственное общение с природой на уроках географии и космографии, наприим., изучение звездного неба, даст учащимся возможность находить массу художественных впечатлений в живописно развернувшемся перед ними ландшафте,—и тем самым будет вызывать в них эмоцию красоты. При изучении литературных произведений следует обращать внимание учащихся на все прекрасное, что воплощено в красивых образах, в идеальных типах. Школа должна дать и большой запас знаний, и заложить в душе детей глубокие чувства, красивые образы, которые будут сопровождать их в продолжение всей жизни.

Может быть, еще в более сильной степени эти художественные образы родной литературы пробудят лучшие чувства учащихся, будучи перенесенными в школьный театр, которому следует отвести в художественном воспитании видное место. Современная школа дает много реальных знаний, но слишком мало считается с психикой детей, требующей пищи своей фантазии. Детям необходимо, хотя бы изредка, унести в мир красоты и грез, согревающих их душу. Во время спектакля дети переживают прочитанное сильнее, образы вырисовываются определенно и ярко и глубоко западают в душу. Но, не только само действие вызывает эмоции красоты, их вызывает и вся подготовительная работа: сочинение и исполнение декораций, костюмов. В это время учащиеся изучают картины, костюмы, наблюдают природу, всюду ищут и находят необходимый для постановки материал. Но для того, чтобы постановка пьесы дала в художественно-воспитательном отношении возможно больше результатов, желательно было бы приступать к исполнению не спеша, обдумывая все детали, привлекая к работе возможно большее количество детей. Для постановки пригоден различный художественный материал: басни, стихотворения, литературные произведения, сочинения самих детей и переделки для сцены, исторические представления и целые шествия исторического и бытового характера.

Еще большее значение в художественном воспитании имеет рисование и лепка—они учат анализировать явления природы, разви-

вают наблюдательность и способность вызывать в душе сильные эмоции красоты. О значении рисования и лепки много писали и говорили специалисты, и более подробно останавливаться на их значении излишне. Следует лишь подчеркнуть, что эти предметы все еще не включены в число обязательных—в народных, воскресных, ремесленных и вечерних школах для взрослых, где они также необходимы. Многие думают, что рисованию и лепке возможно выучиться только в детстве. Это—заблуждение: в Петербурге недавно были устроены кратковременные курсы рисования для учителей начальных училищ и подобные же для 2000 преподавателей в Германии (в Шарлоттенбургской народной школе); слушатели не имели предварительной подготовки, тем не менее с задачей справились вполне удовлетворительно.

Следует еще обратить внимание на большое значение ручного труда в художественном воспитании.

Ручной труд в учебных заведениях всех ступеней служит не только средством для развития ловкости и силы руки с утилитарной целью, но, главным образом, для развития интеллекта, художественного вкуса и творчества. Поэтому руководители должны быть не простые мастера, но развитые, обладающие художественным вкусом, педагоги. Ручной труд научает конкретно мыслить, художественный замысел здесь приводится в исполнение, воплощается в какой-нибудь предмет, что на уроках рисования, напр., не достигается. Пользуясь различными материалами для своих работ, учащиеся изучают их свойства и, естественно, должны заинтересоваться теми богатствами, которые предоставляет нам природа. В ручном труде (в столярном, токарном, выделке по металлу, переплетном, граверном) мы находим идеальное соединение художника с ремесленником. Если учащемуся почему-либо невозможно закончить научный курс в училище, то ручной труд даст ему возможность, не насилюя своей души, идти по другой дорожке—он станет хорошим, интеллигентным ремесленником с развитым художественным вкусом. При правильной постановке ручной труд может стать ценнейшим средством художественного воспитания. Поэтому желательно было бы введение его во всех учебных заведениях, но, конечно, при условии его художественного, утилитарного, ремесленного направления.

Идею художественного воспитания следует проводить более широко. Необходимо переустроить весь уклад жизни. Как солнечные лучи, проникая всюду, убивают микробов, точно так же искусство должно проникать в детскую, в квартиру, в школу, сделав их красивыми, уютными, на улицу—украсив ее садами, цветами, бульварами, красивыми домами и скульптурными произведениями, в клубы для рабочих, в мастерские ремесленные и кустарные,—всюду должно войти искусство, уничтожая безвкусию, пошлость и грубость.

исключительно столярами, тысячами изготовляют для магазинов предметы по одному трафарету. Художники должны отсюда начать пропаганду искусства, здесь находится почва, в которую следует бросать семена хорошего вкуса: ремесло без искусства — мертво.

Раньше, чем вести в среде ремесленников беседы о Рафаэле и Праксители, рациональнее сначала дать представление о том, что ближе их сердцу и пониманию, Переpletчикам и печатникам, напр., вероятно, более интересно будет познакомиться с историей книги, с тем, какими качествами она отличалась в старину, как добросовестно и с любовью работали над ней лучшие художники, ученики, мастера. Указание на то, что в старину обращали внимание на прочность и до педантизма тщательную обработку, на переплет, корешок, придавая большое значение художественным иллюстрациям, заглавным буквам, качеству бумаги, изящности шрифта, может быть, пробудит в ремесленниках охоту усовершенствовать свою работу. Демонстрирование хороших образцов современных иностранных мастеров, пользующихся новыми усовершенствованными способами и проявляющих в работе много творчества, может повлиять на развитие художественного вкуса.

Может быть, таким способом удастся воздействовать на работу ремесленников и поднять художественную сторону в нашем отсталом кустарном производстве и ремеслах. Подобная беседа была бы желательна в мастерских по обработке дерева, металла, в цинкографиях, у печатников и т. д. В таких беседах необходимо выдвигать на первый план принципы художественности и творчества в производстве.

Подобную беседу следовало бы вести в столярных, токарных, резных и пр. мастерских, объясняя мастерам, что старинная мебель в настоящее время так высоко ценится не по какому-нибудь капризу, но потому, что она великолепно построена, правильной конструкции, крепка, тщательно отделана как с лицевой, так и тыловой стороны, в основу ее положены правильные принципы, которые в настоящее время мастерами игнорируются. Следует показать образцы старинной мебели и указать также, что каждая эпоха вырабатывает свой стиль, и нам подражать старинным стилям нет надобности, — мы должны лишь применять в работе их принципы и вносить свой современный дух и свою мысль.

При выборе материала ремесленники должны действовать обдуманно и не подкрашивать любое дерево под несвойственный ему цвет — нужно уважать и ценить качество каждого материала. Так, напр., дерево дуба настолько плотно и имеет темную красивую структуру, что грешно замазывать ее какой-либо краской или политурой, — дубу свойственна матовая поверхность под воск, сохраняющая его цвет и качество. Не следует мастеру прибегать к обманам, подкрашивая сосну или ель „под дуб“ или „под орех“. Ремесленникам

следует пользоваться преимущественно местными материалами и, в крайнем случае, выписывать иностранные, что значительно удешевит производство и заставит изучать местные природные богатства, которые мы, к стыду нашему, так мало знаем, и которые с таким успехом эксплуатируются иностранцами. Нам приходится подробно останавливаться на этих вопросах, потому что на художественную сторону в производстве до сих пор слишком мало обращали внимания, как сама публика, так и художники. Им следовало бы составлять проекты красивых художественно-промышленных предметов и целых обстановок, издавать дешевые альбомы для ремесленников с указанием местных материалов и их качеств, издавать специальные книги для среднего обывателя, („как устроить свое жилище“), в которые входило бы описание построек домов, начиная с фундамента и кончая внутренним и наружным убранством дома. (Подобные издания имеются в Западной Европе).

В книге должны быть указаны основные принципы устройства дома: его гигиеничность, художественность, логичность, комфорт, конструктивность, целесообразность—все то, чего не хватает современному жилищу, а также описание всех комнат, мебели, утвари одежды. Кроме описания квартир, должен быть отдел по оборудованию и украшению клубов, народных домов, школ, правительственных учреждений, вокзалов, народных столовых.

Художники не могут, конечно, вторгаться в частные дома и переустраивать их по своему вкусу, но пропагандировать в народных кругах новые идеи, читать лекции по этим вопросам, показывать, как устраиваются дома в других странах им следовало бы. Необходимо озаботиться устройством общественных рабочих клубов, народных домов, читален и библиотек, именно художниками, так как до сих пор общественные деятели менее всего думали о художественном украшении, которое могло бы служить одним из самых сильных и верных средств пропаганды искусства и иметь художественно-воспитательное значение в народе.

В рабочие клубы по вечерам стекается масса народа отдохнуть, освежиться, наполнить² душу чем-нибудь красивым, не только посредством чтения лекций, но и красивыми образами, изящной обстановкой, которая облагораживает вкус. Проектировать клубы по одному образцу, конечно, не следует. Каждый клуб должен отражать физиономию всего союза, и задача чуткого художника—создать индивидуальную обстановку.

К устройству клубов следует привлечь самих рабочих. Инициатива и желание самим устроить уютные и красивые помещения должны исходить от народа, только тогда новые идеи могут прочно привиться. Художники должны им советовать и руководить ими, разрабатывать проекты, устраивать в клубах выставки, конкурсы

проектов, читать одновременно доклады по вопросам современного устройства и оборудования жилища. Выполнение же всего проекта может быть поручено рабочим, между которыми всегда найдутся способные к малярным, столярным и пр. работам, что значительно удешевит оборудование и пробудит самостоятельность.

В клубах следует украшать следующие помещения: зал для собраний, концертов, вечеров, лекций и театральных представлений: столовую, читальню, библиотеку, аудиторию для вечерних занятий, научных и художественных.

В столовых и буфетных можно устраивать передвижные выставки молодых художников, картины которых могли бы быть приобретаемы клубами и служить впоследствии украшением зал, читален, библиотек. Таким способом целая организация и при том народная могла бы с легкостью составить собственную коллекцию произведений искусства, как это уже практикуется социалистическими рабочими клубами за границей (в Бельгии, напр.) Таким образом, сам народ мог бы оказать помощь молодым силам, спасти их от эксплуатации хищников—коллекционеров и скупщиков. При таких условиях народные круги сблизилась бы с художниками, что имело бы огромное воспитательное значение. Об этом следовало бы подумать тем, кто борется с эксплуатацией и стоит за интересы трудящихся, к которым по праву принадлежат художники.

С особенным вниманием следует отнестись к устройству и художественному украшению школ, в особенности, народных. Дети интеллигентных классов окружены более художественной обстановкой: имеют в избытке картины, художественные альбомы и журналы, посещают театры, концерты, музеи, имеют все то, чего лишены дети рабочих классов, в большинстве случаев живущих в районах, пропитанных грязью и копотью. Для них пребывание в красивой школе—единственный момент, когда они могут наслаждаться чем-нибудь, и грешно было бы отказать им в светлой радости найти в школе уют и красоту.

Не следует бояться, что дети станут портить дорого стоящую обстановку. Мы видим обратное: чем красивее обстановка, с тем большим уважением и бережливостью к ней относятся. В музеях и дворцах дети ходят, осторожно ступая на паркет, не дотрагиваются даже до перил. С другой стороны, мы видим, что в грязной обстановке люди становятся еще более веряшливыми.

От хорошо и красиво устроенной школы мы требуем, чтобы она была гигиенично и художественно оборудована,—здоровье и красота тесно связаны между собой. (Так это было у древних греков).

Свет, простор, чистота и уют—первые требования, предъявляемые к внешнему оборудованию школы. Следовало бы с большей любовью и продуманностью устраивать все помещения школы.

Окраска стен, мебели должна быть гармонична и выдержана в светлых тонах. Потолки в теплых ремовых или белых тонах, стены более холодных, серых, голубоватых, мебель и рамы картин составляют с ними красивое сочетание. Окраска дверей и окон может быть в мягких, теплых тонах желтой, розовой, светло-оранжевой краски. Впечатление всей окраски должно быть приветливое, радостное. Черные классные доски, слишком резко выделяющиеся и не гармонирующие с остальной окраской могут быть заменены досками темно-зелеными, серыми или зеленовато-серыми. Мебель, столы, парты должны быть светло окрашены. Рамы картин не должны резко выделяться. Если картины вынимаются (подвижные рамы), то последние должны гармонировать с общим тоном комнаты. Если не вынимаются, то рамы должны соответствовать содержанию или общему колориту картины. Развешивать картины следует на тех местах, где учащиеся чаще проходят, и могут их лучше рассмотреть. В классах следует развешивать ограниченное количество картин, но более крупного размера, в залах и коридорах возможно большее количество и небольших размеров.

Картины научного содержания следует вывешивать только на время урока, а затем хранить в папках. Географические карты, таблицы и образные картины для наглядного обучения, (как, например, по иностранным языкам), не следует долго оставлять в классах и развешивать в залах в виде украшений, как это делается в некоторых училищах.

Много уюта и красоты вносят в класс живые растения, расставленные на полочках и столах в классах, в особенности; цветы, даже ветки хвойных деревьев в вазах и глиняных горшках вносят свежесть и веселость в класс. Выбор картин для украшения классов играет огромную роль. Картины, вывешиваемые в школьных помещениях, должны быть тщательно и систематически подобранными, в зависимости от помещения. Классные картины должны быть художественными и культурно-облагораживающими. Сюжетами для младших классов может быть окружающая детей обстановка. Дети восхищаются сюжетами природы с изображением животных, в особенности, где жизнь детей связана с жизнью животных. Можно составить план картин на весь год. В начале года (учебного) выбирают картины, изображающие конец лета и наступление осени, сбор фруктов, полевые работы, охоту. В феврале — изображение весны и пробуждение природы. Можно также приурочить сюжеты к праздникам и историческим моментам. Изображение Мадонны, в которой многие дети видят только мать с любимым ребенком, может детей привлечь теплой сюжетом и быть хорошим украшением класса. Картины, которые вывешивают в классе, носят переходящий характер и с повышением

возраста, утрачивают первоначальное свое значение. Поэтому долго оставлять их в комнате не следует, а давать каждому возрасту другие картины. В коридорах и классных можно не придерживаться какой-либо системы—избегать следует только плохих репродукций и изображений жестоких сцен и вообще сильно возбуждающих чувство. На художественное украшение школьных помещений следовало бы обращать больше внимания всем заведующим школами и педагогам. Красивую школу дети будут больше любить и дорожить ею, а кроме того, художественная обстановка—наилучший проводник идей красоты. На развитие эстетического чувства следовало бы обратить внимание всех деятелей по народному образованию, в особенности, по внешкольному. Когда общими усилиями будет создана культурная атмосфера, когда интерес к искусству будет пробужден в школе, в каждой семье, в среде рабочих и ремесленников, тогда и беседы по искусству и экскурсии в музеи совершенно иначе будут восприниматься и не останутся в памяти слушателей, в виде отдельных, оторванных от жизни красивых образов и пышных фраз.

А. Карлсон.

Реорганизация кооперации и проблема ее культурно-просветительной деятельности.

Должна ли сейчас кооперация заниматься культурно-просветительной деятельностью?

Сама постановка вопроса об этом, казалось бы, должна являться в вышей степени странным. Кооперация объединяет большую часть населения и располагает колоссальными средствами. Кооперация, по самой сущности своей, есть лучшее и вернейшее средство выявления самостоятельности и активности населения—начала, составляющие главную основу и культурно-просветительной деятельности.

Между тем вопрос этот не только ставится, но самым серьезным образом дается на него отрицательный ответ.

На совещании представителей рабочей кооперации, состоявшемся, в октябре во время собрания Уполномоченных Центросоюза Комиссар В. П. Ногин определенно высказался против всякой культурно-просветительной деятельности кооперации.

И коммунисты-„кооператоры“ вторили ему. На Всероссийской Конференции пролеткультов также принята резолюция, согласно которой рабочая кооперация должна быть лишена права на культурно-просветительную деятельность.

Отрицается культурно - просветительная деятельность кооперации по двум мотивам: социально - политическому и кооперативному. Рабоче-крестьянская власть уделяет столько внимания и средств народному образованию в самом широком смысле этого слова, что работа кооперации излишня. Затем, культурно-просветительная деятельность кооперации исключается будто сама собой тем, что кооперация, по ее реорганизации, делается лишь распределительным аппаратом, выполняющим задания социалистических продовольственных организаций и обслуживающая к тому же все население, а не членов.

Разберемся в этих мотивах. Смета расходов по Комиссариату Просвещения на второе полугодие этого года исчислена в 2,436,127,252 р. (газета „Финансы и Народное Хозяйство“, № 36 от 5 ноября 1918 г.) Сумма, несомненно, колоссальная. Ничего подобного всемирная история не знает! Сумма, превышающая бюджетные ассигновки на просвещение всех европейских государств вместе. Однако, как ничтожна и эта сумма по сравнению с теми расходами, которые необходимы для борьбы с русской безграмотностью, тьмой, невежеством и некультурностью, по сравнению с теми расходами, которые необходимы для нового культурного строительства России!

И это нагляднее всего показывает сама смета Комиссариата Просвещения. На внешкольное образование ассигновано 50.260.000, что составляет, несомненно, не больше одного рубля на каждого, нуждающегося в нем.

Какова бы ни была дальнейшая судьба России, в одном сомнений нет и не может быть, что старые социально-политические условия жизни отошли в область предания. Необходимо, стало быть, приспособиться всем и каждому к новым социально-политическим условиям. Необходимо умение разобраться во всем происшедшем и создающемся. Необходимы каждому знания и много знания, необходимо каждому выковать новую волю, новую дисциплину. Словом, для новой России нужны новые люди, и не одно будущее поколение должно ими быть, ибо жизнь не ждет, а мы сами, каждый из нас должен сделаться новым. И единственное средство для этого — внешкольное образование. Можно ли после этого серьезно говорить об осуществлении государством, из кого бы оно ни состояло, политических задач и целей народного образования. Ясно, что только самопомощью и взаимопомощью внешкольное образование может сейчас сделаться всеобщим. Ясно, что без частной инициативы этого не может быть достигнуто. Но, помимо этих финансовых соображений, внешкольное образование не может быть делом государства по самой сущности своей. Внешкольное образование, как правильно указывает Е. Н. Медынский („Внешкольное образование“, стр. 5 и „Методы внешкольной просветительной работы“, стр. 15) есть не что иное, как внутренняя работа личности над всеми физическими и психологическими элементами своего человеческого, „я“ и заключается во всестороннем развитии личности, в умственном, нравственном, художественном и физическом отношениях. Являясь внутренним индивидуальным процессом, внешкольное образование осуществимо лишь при полнейшей активности и наибольшей самодеятельности со стороны пользующегося им, что, в свою очередь, возможно лишь при полнейшей самостоятельности последнего.

При выполнении же государством, хотя бы и социалистическим, функций народного образования, этих основных условий внешколь-

ного образования никоим образом быть не может, так как пользующийся образованием всегда в той или другой степени играет пассивную роль, всегда, в большей или меньшей мере, является объектом воздействия, хотя бы тем, что программа не полностью намечается им, условия и правила работы не всегда вырабатываются при его участии.

Я, конечно, не хочу этим сказать, что государство должно быть совершенно непричастно к внешкольному образованию. Напротив, ему безусловно принадлежит право контроля. На нем лежит обязанность принять меры содействия оказания помощи материальной и другой, в случае необходимости. Но и только. Непосредственная же организация, а в особенности, заведывание может и должно быть основано только на самопомощи и взаимопомощи самого населения.

Прежде чем перейти к разбору второго мотива отрицания культурно-просветительной деятельности кооперации с ее реорганизацией, превращения ее в подсобный орган государственных продовольственных организаций—считаю необходимым остановиться, хотя в самых общих чертах, на вопросе о взаимоотношении кооперации и местного самоуправления в деле внешкольного образования.

Собственно, местного самоуправления, в полном смысле этого слова, у нас сейчас нет: местные советы иногда совершенно игнорируют, что они—представительные органы, хотя бы построенные на других началах представительства, и действуют по тем или другим соображениям, предначертанным свыше. В том или другом случае, они не могут представить ту широту инициативы и самостоятельности, которая необходима для внешкольного образования. Кроме того, у них те же финансовые источники доходов, что и у государства. Поэтому, все вышеуказанное о невозможности непосредственной организацией государством внешкольного образования применимо вполне и к ним.

Останавливаясь поэтому подробно на вопросе о взаимоотношении кооперации и местного самоуправления в деле внешкольного образования является несвоевременным. Но считаю великим указанием те основные предпосылки, которые, по-моему, решают, этот старый спор в пользу кооперации.

В деятельности всякого местного самоуправления, независимость его строения и состава, как общественного объединения принудительного характера, неизбежен момент опеки, что идет в разрез с полной самостоятельностью действий и инициативы, необходимых для успеха внешкольного образования.

Затем, местное самоуправление, создавая ту или другую организацию внешкольного образования, никогда не в состоянии учесть всех особенностей быта и индивидуальности, участников этой организации. Оно не в состоянии этого сделать, ибо само построено на случайном начале—территории. „Только просветительные учреждения,

построенные на началах кооперации, могут учесть бесконечное разнообразие индивидуальных особенностей населения, и, таким образом, станет одинаково возможным и удовлетворение духовных потребностей отдельной личности, и развитие общества“, говорит В. Чарнолусский („Частная инициатива в деле народного образования“, стр. 28), с чем нельзя не согласиться.

Кроме того, деятельность местного самоуправления, при капиталистическом строе, не может никоим образом соответствовать полной автономии личности, вследствие классового своего характера. „Пока существует господствующий капиталистический социально-политический строй, то какие бы учреждения ни стояли во главе управления, он неизбежно будет накладывать на систему общественного образования свою печать, более или менее дисгармонирующую и с требованиями свободой науки, и с интересами трудовых масс“, свидетельствует В. Чарнолусский, виднейший знаток внешкольного образования и человек, которого нельзя заподозрить в доктринерстве в вопросе классовой борьбы (там же, стр. 31).

Я, конечно, далек от мысли, чтобы утверждать, что местное самоуправление должно быть устроено при участии в организации народного образования. Липней водораздела в этом участии государства и местного самоуправления, с одной стороны, свободных ассоциаций частной инициативы и, в первую голову, кооперации, с другой, должна быть степень самостоятельности и самодеятельности, обуславливаемая сущностью образования. Школьное образование и специальное — профессиональное, сельско-хозяйственное и промышленное, поскольку последним преследуются определенные конкретные результаты, а не общее развитие, суть области деятельности государства и местного самоуправления. Внешкольное же образование, за исключением некоторых его видов, как музей, выставки и книжные склады, напротив, может быть только делом частной инициативы и свободных объединений. Только при частной инициативе возможно полное выявление автономности и самодеятельности личности. Только свободные объединения настолько гибки и независимы, чтобы учесть все многообразие индивидуальных особенностей. Уже сам процесс объединения для целей внешкольного образования затрагивает много душевных струн каждого участника и имеет громадное значение для его развития.

„Все это еще в проекте, рисует Р. Н. Моцинский, профессор организации в деревне народного дома, библиотеки или спектакля, (Внешкольное образование, стр. 56), но уже горячее обсуждение проекта имеет громадное воспитательное значение; растет интерес к будущему просветительному начинанию, работает мысль, проявляется инициатива, крепнет связь между людьми. С мыслью о лучшем устройстве спектакля и библиотеки сходятся на совещание; с мыслью

о широком пользовании этой библиотекой — или народным домом расходятся. С готовностью принести свою лепту общему делу, собирают средства, возят песок, камень, глину и лес. Это учреждение — их детище, родное и близкое“.

И какое же из свободных объединений может полнее и лучше кооперации выполнить задачи внешкольного образования?

Какое из свободных, кроме кооперации, объединений соответствует больше основным элементам внешкольного образования: автономии и активности личности?

Какая из организаций частной инициативы является столь массовой?

Какая из организаций, наконец, обладает столь совершенным техническим аппаратом и такими громадными денежными ресурсами, как кооперация?

Повседневной своей хозяйственной работой кооперация создает постоянное общение между своими членами и устанавливает прочную связь между ними. Непосредственный результат ее деятельности, вызывает активность и самостоятельность ее членов. Полнейшая же самостоятельность составляет основу ее организации. В кооперации, таким образом, имеются на лицо основные элементы внешкольного образования, которыми остается только умело воспользоваться. Живым примером может служить история Кооперативных Народных Домов. Побудительным мотивом его создания часто бывает необходимость в помещении для собрания и для хозяйственных надобностей. Но попутно в том помещении постепенно организуется библиотека, читальня, устраивается чайная, клуб, лекции. И в итоге получается один из главных местных очагов культуры. Кооперация, поэтому, является и не может не быть основной естественной организацией внешкольного образования.

Изменилось ли положение это с реорганизацией кооперации? — Частично да, но, в общем, нет.

Масса, правда, хлынула теперь в кооперацию из-за продовольственной нужды, из-за погони за лишним фунтом того или другого продукта. И декрет 11-го апреля, сделавший для нечленов кооперации все продукты дороже на 5%, еще ухудшил дело. К так называемым „сахарным“, „керсиновым“ Кооператорам прибавились другие этого рода, насильно загоняемые в кооперацию. Нет, следовательно, прежней естественной связи между членами, нет прежней привязанности членов к своему кооперативу. Но это зло, во-первых, временное и случайное. Против него уже принимаются меры. Но главное в том, что кооперация теперь, как аппарат внешкольного образования, приобрела много преимуществ и очень больших. Она, как я указал в начале статьи, впервые получает правильное и планомерное строение союзов и кооперативов. Механизм ее, следовательно,

будет более совершенно действовать. Затем, кооперация, после реорганизации, становится хозяйственной организацией такой колоссальной мощи и располагает такими громадными финансовыми ресурсами, что может уделять культурно-просветительной своей деятельности такие большие средства, о которых раньше и мечтать нельзя было.

И то, и другое имеет громадное значение для организации внешкольного образования.

Главным доводом, например, внешкольников за оставление инициативы устройства народных домов в руках местного самоуправления и невозможности предоставления этого кооперации было то, что кооперация, будучи случайной и не всеместной и не располагая необходимыми финансовыми средствами, не может обеспечить в этом все население и не может взять на себя разработки сети народных домов. Теперь эти мотивы само собой отпадают.

III.

Я посильно рассмотрел проблему культурно-просветительной деятельности кооперации, с точки зрения социально-политической и с точки зрения существа и основ внешкольного образования. Попробую теперь сделать это, с точки зрения социально-экономической, с точки зрения кооперативной. Постараюсь проанализировать, в интересах ли самой кооперации взять на себя задачи внешкольного образования, в котором, по-моему, если не считать кооперативную пропаганду, и должна заключаться ее культурно-просветительная деятельность.

Если, не разделяя социологической теории Спенсера, сравнить только для примера общество с живым организмом, то хозяйственная его жизнь есть скелет, являющийся основой этого организма, и кровь, его питающая. Мускулами этого же организма, живой тканью его является психический уклад индивидов, составляющих его, образующий как бы социально-психическую ткань всего общества. Капиталистическому строю соответствует определенная индивидуальная психология и определенная социально-психическая ткань с разновидностью классовых и даже профессиональных нюансов. Смена общественного строя может, поэтому, произойти только при смене социально-психического уклада общества, отдельных индивидов, как это, по общему признанию, доказали последние события русской жизни.

Психологическими предпосылками социальной революции, говорит Каугский (Общественные реформы, стр. 184) есть дисциплинированный, организаторский талант и интеллигентность. Но и этого, по-моему, далеко недостаточно. Мало обладать развитым интеллектом, ибо мало сознать классовый интерес, мало понимать свое и

общечеловеческое достоинство и призвание, а необходимо быть общественным по всему своему существу, отличаться силой воли, быть всегда и во всем активным и обладать большой восприимчивостью в этическом и эстетическом отношениях. Словом, для нового общественного строя нужен новый человек, нужна новая социально-психическая ткань. В особенности же, это нужно для социалистического строя.

Кооперация и сама по себе является школой воспитания нового человека, она повседневной практикой прививает своим членам общественность. Она — единственная хозяйственная организация, действующая не для масс, а при посредстве самих масс. Ее успех обусловлен исключительно самодеятельностью ее членов, вызывая этим их активность и инициативность.

Но роль кооперации в деле создания нового человека и социальной психики этим не исчерпывается и не может исчерпываться. Кооперация есть разновидность социалистического движения, что подтверждается ее сущностью и историей. И особенность ее состоит именно в том, что одной из главных ее задач является социальное воспитание и создание социальной психики. Не даром первоисточниками кооперации является Оуэн, автор „Опыта образования человеческого характера“ и Фурье, деятельность фаланги которого построена на игре страстей и чувств. Не случайно рочдельские пионеры, основатели кооперации, располагая всего на всего 350 рублями, поставили одной из главных своих целей воспитание и образование.

Внешкольное образование, как психический процесс, как работа личности над всесторонним усовершенствованием своего характера, вытекает поэтому из самой сущности кооперации, имеющей целью воспитание характера и преобразование социальной психики.

Приведенные выше мнения С. Маслова и Виноградова о том, что культурно-просветительная деятельность кооперации должна носить утилитарный характер, должна иметь целью привлечение новых членов или упрочение связи старых членов с организацией, противоречат, таким образом, самой основе кооперации, главной ее задаче и всей ее истории. Не прав и М. Л. Хейсин, устанавливающий градации очередей первой и второй степени между кооперативной пропагандой и культурно-просветительной деятельностью кооперации. Оба эти элемента сущности кооперации не только одинаково важны, одинаково равноценны, но суть неразрывные части одного целого. Это две стороны одной медали.

Но глубоко неправилен и противоположный взгляд Ф. Дьякова, который, в брошюре „Кооперация и просвещение“ полагает, что кооперация должна в области просвещения сейчас заменить всецело местные самоуправления и чуть ли не государство, что она должна взять на себя дошкольное,

школьное и внешкольное образование и, вдобавок, специальное разных видов,—словом, каждый кооператив должен превратиться чуть ли не в отдел Комиссариата Народного Просвещения. Это утопия, хотя бы по одним финансовым соображениям, и вредная утопия. И практики культурно-просветительной деятельности кооперации последнего времени, в которой большей частью проводятся взгляды Ф. Дьякова, доказывают это самым наглядным образом. Как в калейдоскопе, мелькают культурно-просветительные учреждения и мероприятия, умирая, не успев зародиться или существуя лишь на бумаге.

Нельзя упускать из виду непосредственную задачу культурно-просветительной деятельности кооперации: содействие преобразованию душевного уклада личности и создание новой социальной ткани. Нельзя не считаться и с новыми социально-политическими условиями. Школьное и специальное образование и в значительной части дошкольное воспитание должно быть делом Комиссариата Просвещения и Культурно-просветительных отделов Совдепов. Область же культурно-просветительной деятельности кооперации ограничивается внешкольным образованием и при том лишь в той мере, в какой в постановке последнего проявляется самостоятельность и самодеятельность личности.

Разросшиеся рамки статьи не позволяют остановиться на рассмотрении конкретного вопроса о том, какие из элементов внешкольного образования, какие из его учреждений должны быть заботой кооперации. Постараюсь сделать это в другой раз.

Более правильно поставил вопрос о проблеме культурно-просветительной деятельности кооперации Лев Бреншtedт, который указывает („Задачи культурно-просветительной деятельности кооперации“, Вестник Кооперации, № 3—4, 1918 г.) что при разрешении ее нужно иметь в виду, что кооперация есть школа общественности, воспитательный фактор создающий новое общественное сознание, новую общественную психологию. Но он не делает соответствующих выводов из своих правильных по существу предпосылок. Он недостаточно учитывает, что для новой общественной психологии нужно полное изменение индивидуальной психики, изменение всех сторон душевного уклада личности: большее выявление активности, инициативность, закаление воли, большая восприимчивость в этическом и эстетическом отношении. Неправильным получается поэтому у него и конкретное разрешение вопроса. Средством воспитания общественного характера и социалистической психологии предлагает он кооперативное воспитание, кооперативные поселки, детские поселки, трудовые общины, интеллигентные трудовые коммуны, а каким же образом все эти меры будут содействовать всестороннему развитию личности, например, художественному—остается загадкой. Затем, что самое главное, все это организации, создаваемые в центрах, а не самоорганизация масс, являю-

щаяся следствием их активности и лучшим средством выявления их самостоятельности и самодеятельности. А потому, все это непосредственно не связано с кооперацией и неизвестно, почему должно быть делом кооперации, а не другой организации, которая, может быть, с неменьшим успехом может взять его на себя.

Итак, проблема культурно-просветительной деятельности кооперации разрешается, по-моему, так: вместе с кооперативной пропагандой содержанием ее должно быть содействие внешкольному образованию в смысле работы личности над собою.

Изменяется ли это решение с реорганизацией кооперации? Опять частично—да, но в общем—нет.

Правда, главным содержанием экономической деятельности кооперации становится распределение, и оно делается подсобным органом организаций продовольствия.

Но Кооперация ведь не перестает быть организацией самих масс, действующей успешно только тогда, если масса будет понимать суть и значение распределения, как отрасли народного хозяйства, будет знакома с другими смежными экономическими вопросами, когда будет использован громадный опыт кооперации и, созданы соответствующие специалисты: статистики, счетоводы и т. д. Ясно, что кооперативная пропаганда с реорганизацией кооперации лишь меняет свое содержание, но так же необходима, как и раньше.

Нужно ли доказывать необходимость и теперь в содействии всестороннему развитию личности и, воспитанию социального характера и созданию социалистической психологии. Разве с октября 1917 года не твердят изо дня в день о необходимости пролетарской дисциплины, о необходимости усиления производительности труда и о борьбе с мелко-буржуазным думевным укладом. Допустим даже, что правые, которые утверждают, что путь кооперации слишком медленный и не соответствует темпу жизни настоящего момента. Но следует ли отсюда, что можно ее работой пренебречь. Ведь работы так много. Ведь кооперация по ее реорганизации, представляет собою орудие колоссальной силы.

Я. Ривлин.

СТОЛИЧНАЯ ХРОНИКА.

Очерк деятельности Культурно-просветительного Отдела Петросоюза с января по ноябрь 1918 года.

Преобразование Петросоюза в одну из составных частей Единого Рабочего Кооператива в Петрограде означает собою ликвидацию целого периода в его краткой истории. Вполне уместно поэтому именно к этому моменту приурочить подведение итогов его торговой и неторговой деятельности за все время его самостоятельного существования.

Самостоятельную жизнь Культурно-просветительного Отдела Петросоюза можно считать с января 1918 года. Но сама культурно-просветительная работа началась гораздо раньше, с момента приглашения особых инструкторов-культурников, а именно — в июне 1917 года.

Начав со скромного и вполне осуществимого дела организации всякого рода чтений и бесед, наш отдел мог бы постепенно расширять и углублять свою работу, как в направлении захвата новых ее областей (создание кооперативных кружков молодежи, образование в районах кооперативных клубов, вмешательство в торговую и организационную жизнь обществ с целью укрепления ее идеологического фундамента и т. п.), так и в направлении усовершенствования организации отдела и районных к.-пр. комиссий (устройство периодических совещаний районных работников, специализация инструкторской работы, создание при отделе кооперативного музея, склада разного рода пособий для лекций и бесед и т. п.). Все это постепенно создалось бы в процессе работы, как органический ее результат и в то же время, как одно из главнейших условий дальнейшего ее развития.).

Отдел, пополненный в течение января и февраля новыми инструкторами и к марту состоявший из 6 инструкторов и одного практиканта (кроме заведующего и библиотекаря), в общем и целом представлял из себя дружно действовавший коллектив. И если бы производительность начатой работы зависела бы только от личных свойств инструкторского персонала, то успех ее был бы обеспечен.

К сожалению, деятельность отдела в течение всего подлежащего обозрению периода определялась не столько свойствами и особенностями членов культурно-просветительной коллегии, не столько совершенством или неполнотой ее членов и заданий, сколько внешними обстоятельствами, общими условиями экономической и политической жизни момента. А эти условия сложились для всякой культурно-просветительной работы крайне неблагоприятно.

Январь 1918 г. начался печальными событиями 5 января, глубоко взволновавшими рабочие кварталы столицы. К этому присоединилась вскоре тревога, охватившая рабочих в связи с начавшейся эвакуацией промышленных заведений и правительственных учреждений. Рабочие массами покидали Петроград. Чтобы дать наглядное представление о размерах эмиграции петроградских рабочих, достаточно привести тот официально установленный факт, что из 277800 рабочих, зарегистрированных в Петрограде, к 1 января 1918 г. на 1 апреля того же года осталось всего около 120500 чел., т. е. рабочее население за какие-нибудь три месяца уменьшилось на 57% (См. „Рабочий Кооператор“, № 13, (Июнь). Следовательно, ежедневно уезжало средним числом 1748 человек. Легко себе представить, как убийственно влияло это бегство из Петрограда на всякого рода начинания Культурно-просветительного отдела.

Помимо общих условий политической и экономической жизни, наши начинания до крайности тормозились частыми перерывами в подаче электрического тока (что заставляло отменять назначенные уже лекции и чтения с фонарем) и расстройством трамвайного движения (что прерывало сношения центра с окраинами). Не малую дезорганизацию в работу вносила в январе и феврале неровная с частыми перерывами и длительными остановками работа телефонов. Благодаря одним только факторам чисто технического характера, наша работа часто превращалась в бесплодное топтание на одном месте.

В таких условиях протекала культурно-просветительная деятельность в течение зимы и в начале весны. С наступлением летнего времени она неизбежно должна была сократиться уже просто в силу условий сезона, связанного с многочисленными отпусками служащих на отдых. С великим трудом налаженные к весне при некоторых обществах и районах культурно-просветительные комиссии как-то обезлюдели и, за небольшим исключением, в течение всего летнего времени едва себя проявляли.

Таким образом, произвести оценку деятельности К.-пр. отдела совершенно невозможно, не принимая в соображение всех указанных выше условий жизни и Петрограде в течение первой трети 1918 года.

Обратимся теперь к обзору главнейших фактов из деятельности отдела.

В первую очередь, необходимо было создать на местах тот организационный аппарат, при помощи которого можно было бы вести просветительную работу в сколько-нибудь широких размерах. Этот аппарат мыслился нам в виде сети к.-пр. комиссий при обществах, объединенных по районам. Необходимо было привлечь к просветительному делу все подходящие для этого силы из недр рабочей кооперации, объединить их, вызвать в них дух инициативы и самостоятельности. В этом именно направлении и пошла прежде всего работа инструкторов отдела. Несмотря на все неблагоприятные условия, к маю 1918 г. удалось организовать 17 к.-пр. комиссий.

К сожалению, по своему качественному составу, к.-пр. комиссии, за немногим исключением, в общем стояли на сравнительно невысоком уровне, в организационном же отношении они представляли из себя нечто в высокой степени шаткое и непрочное. Люди приходили и уходили, традиций не создавалось, преемственность в работе не было. Инструктор отдела всюду был лицом вдохновляющим, направляющим и, в большинстве случаев, самолично выполняющим даже технические детали просветительной работы в районе. Несомненно, изменчивый состав комиссий и невысокая производительность их работы в огромной степени объясняются действием отмеченных выше экономических и политических условий жизни в Петрограде. Но столь же несомненно, что здесь лишний раз обнаружилась чрезвычайная тонкость и зыбкость того культурного слоя рабочей массы, на котором держится всякого рода политическая, экономическая и просветительная деятельность рабочих организаций.

При посредстве этих комиссий отделу удалось провести в районах ряд чтений (лекций, бесед, концертов, экскурсий и празднеств). Наибольший успех выпал на долю детских чтений и детских праздников, что совершенно естественно: в то время, как взрослые находились всецело под влиянием обстоятельств момента, дети продолжали жить своей детской жизнью и чрезвычайно охотно посещали чтения с фонарем, которые устраивались для них в разных местах. С 1-го января по ноябрь было устроено 179 чтений и художественных рассказываний; в том числе, в Нарвско-Петергофском районе—32, в Невском 35, Выборгском и Лесном—26, Старой и Новой Деревне—26, Петрогр.—35, Рождественск. и Охтенском—24, в Городском—1. Для детей же было устроено за это время 52 праздника (концерты, драматические выступления и т. п.) и 12 экскурсий. Всего, таким образом, было проведено на 10 месяцев 243 детских собраний.

Чтобы закончить с данными о работе среди детей, следует отметить, что летом функционировало 4 детских площадки, организованные при помощи наших инструкторов (в Нарвско-Петрг., в Невском, Выборгском и Лесном районах), а также детск. сады и ясли (на Петроградской стороне). На Петроградской стороне, в Выборгском районе, на Охте и в Рождественском районе открыты были детские библиотеки (4).

Что же касается лекций и других просветительных мероприятий, в интересах взрослого населения, то в течение того же периода времени было устроено

лекции по кооперации	} 30	
„ „ разного рода вопросам		
кратких курсов и бесед по кооперации для служащих		II
концертов и спектаклей		57
экскурсий (летом)		5

За это же время удалось организовать 8 библиотек и 5 кооперативных клубов (в Нарвск.-Петерг. районе—2, Рождественск.—1, Охта—1, Лесной—1).

Помимо указанных выше неблагоприятных для просветительной работы отдела условий, на организацию лекций и бесед по кооперации, отрицательное действие оказывало еще и большевикское настроение рабочей массы: „для чего нам толкуют теперь о кооперации, когда мы вступили уже в социализм?“—вот недоуменный вопрос, с которым нередко обращались слушатели к лектору.

Несмотря, однако, на все неудачи, связанные с постановкой лекций и бесед по кооперации, отдел не мог отказаться от основной своей задачи—подъема кооперативного сознания массы, сплотившихся вокруг рабочих потребительных обществ. В первую голову решено было обратить серьезное внимание на кооперативное развитие служащих в обществах, при чем высказано было пожелание, чтобы в будущем, при приеме на службу, принимали только тех, кто может предъявить доказательство хотя бы элементарного знакомства с основными положениями рабочей кооперации. Пока же, в интересах подъема кооперативного просвещения служащих, было решено организовать беседы и краткие курсы по кооперации в тех обществах, где наберется достаточное число слушателей из среды служащих. Беседы предназначались для служащих с невысокой образовательной подготовкой. В трех беседах проектировалось дать некоторое представление по следующим отделам: 1) Чем отличается кооперативная лавка от лавки частного торговца. Задачи потребительных обществ. 2) Что сделано в области кооперативного движения как в Европе, так и в России. 3) Положение служащих в рабочих кооперативах, их права и обязанности.

Для служащих с более высоким образовательным уровнем выработана была программа, рассчитанная на 6 двухчасовых лекций: 1) Характеристика капиталистического хозяйства, 2) Задачи кооперации и ее успехи, 3) Из истории кооперативного

движения, 4) Принципы рабочей кооперации, 5) Служащие в рабочей кооперации, 6) Кооперация и текущий момент.

Идея бесед и курсов встретила хороший прием среди служащих тех обществ, где ее сумели провести инструктора-культурники, но практического осуществления в сколько-нибудь широких размерах она не получила. (В Нарвском и Петроградском районах несколько бесед было проведено самими инструкторами; на Выборгской стороне в двух обществах—„Кузнец“ и Выборгском Потребительном Обществе были устроены курсы (лекции читал Рожков). Наступившее теплое время с светлыми вечерами помешало закончить начатые курсы с тем же числом слушателей, какое записалось при их открытии (записалось около 25 человек в каждом из указанных обществ.)

Несмотря на некоторые частичные успехи в выполнении намеченной в начале программы уже к весне в К.-пр. отделе ощущалась значительная неудовлетворенность нашей работой. В апреле (см. „Труд“, № 4) приходилось констатировать тот печальный факт, что у пролетариата пропала всякая охота к знаниям. „Все работники к.-пр. дела в один голос говорят о том величайшем равнодушии, которое обнаруживают пролетарии к лекциям. Ни интересная тема, ни популярный лектор, ни световые картины—ничто не привлекает их, ничто не заставляет их, как раньше, наполнять аудитории. А в то же самое время кинематографы полны, балы и вечеринки имеют колоссальный успех“. Единственным утешением были несомненные успехи просветительной работы среди детей.

В течение летнего времени были устроены детские площадки, и проведено несколько экскурсий. Эти последние имели большой успех и в высокой степени содействовали сближению пайщиков между собой. Всего было устроено 5 экскурсий (в Петергоф, в Царское Село—2 экскурсии, Гатчину и Павловск), при чем расходы на них в большей своей части были покрыты самими экскурсантами. Что же касается площадок, то при их организации пришлось в виду огромной дороговизны материалов и труда поступиться многими требованиями гигиены и педагогики. Тем не менее, функционировавшие в течение нескольких месяцев площадки сослужили большую службу, проторив дорогу к устройству этих полезных учреждений в будущем, при более благоприятных внешних условиях (площадки устраивались на счет местных обществ при содействии Петросоюза, на что последним было израсходовано 30.000 рублей. (См. приложение).

На 15 августа назначено было Высшим Советом Рабочей Кооперации празднование „Дня рабочей кооперации“. Празднование состоялось однако лишь 15 сентября, при чем в его организации Культурно-просветительному отделу пришлось принять живейшее участие. Благодаря энергии, проявленной инструкторами Отдела, удалось заблаговременно преодолеть многочисленные препятствия технического и формального характера, связанные с устройством шествий, лекций, вечеров, доставки продовольствия и т. п. Днем в районах устроены детские праздники и вечером ряд концертов с подобающими случаю речами для взрослых. Вечером же в театре на Оружейном заводе состоялось центральное празднование с участием труппы Гайдебурова и концертного отделения Передвижного Театра. В общем, праздник прошел довольно оживленно, хотя и не принял массового характера, что вполне объясняется все теми же тяжелыми условиями времени.

В сентябре в Москве состоялась Всероссийская конференция рабочих культурно-просветительных организаций, созванная Московским Пролеткультом, на которой участвовали 2 представителя нашего Отдела. Конференция приняла резолюцию, получившую при создавшихся политических условиях очень важное значение для направления просветительной работы рабочей кооперации в ближайшем будущем.

В связи с осуществлением декрета об образовании в Петрограде единой рабочей кооперации, а также по необходимости считаясь с постановлениями Москов-

ской конференции, отделу пришлось подвергнуть коренному пересмотру как намеченные планы его будущей деятельности, так и спроектированные перестройки во внутренней его организации.

В целях выяснения перспектив к.-пр. работы и ее возможной постановки при новом строе кооперации, было устроено несколько совещаний с представителями Неторгового отдела общества „Вперед“, а также предприняты были шаги для определения характера и форм контактной работы с „Пролеткультом“, Комиссариатом Народного Просвещения и профессиональными союзами.

Переговоры с „Вперед“ привели к установлению начал, которые желательно было бы положить в основу культурно-просветительной деятельности Единого Рабочего Кооператива. Переговоры с „Пролеткультом“ и „Советом Проф. Союзов“ обнаружили некоторые возможности совместной работы, а сношения с Комиссариатом Народного Просвещения по поводу Лиговского Народного Дома привели к фактическому установлению контакта по работе в этом доме, о чем речь будет идти ниже.

Из числа мероприятий отдела последнего времени необходимо выделить следующие: 1) испрошение у Исполнительного Бюро предварительной ассигновки в размере 5000 р. на приобретение диапозитивов, 2) проведение через Исп. Бюро проекта о вступлении Петросоюза в состав пайщиков Т-ва Художественной Мастерской по изготовлению диапозитивов Беренштам-Лецкой и 3) испрошение ассигновки в 20000 р. на расширение библиотеки.

Приобретение световых картин Отдел считает необходимым в целях образования собственного склада диапозитивов, что сделало бы возможной постановку чтений с фонарем по заранее составленному плану. Пользование абонементом в Передвижном музее на складе Мина, музей при Соляном Городке неизбежно связано с разного рода случайностями, от которых просветительная работа должна быть свободна. При Отделе имеется довольно значительный запас диапозитивов по кооперации. Необходимо, кроме пополнения этого запаса, составить также комплекты детских и научно-популярных чтений. Чтобы образовать склад диапозитивов, достаточный для организации систематических чтений, необходима затрата, по крайней мере, 50000 р., так что испрошенная сумма в 5000 р. представляет лишь первый шаг в ряде дальнейших ассигновок на осуществление указанной задачи.

Вступление Петросоюза в состав пайщиков Художественной мастерской диапозитивов в значительной мере облегчает разрешение этой задачи, давая возможность отделу использовать при изготовлении новых диапозитивов лучшие художественно-технические силы России.

Наконец, испрошение сравнительно крупной ассигновки на библиотеку дает возможность приступить к превращению ее в фундаментальную библиотеку Союза с хорошим кооперативным и общим отделом, приспособленную как для пользования специальными изданиями и книгами, так и для чтения с самообразовательными целями или же в целях ознакомления с хорошей русской и иностранной беллетристкой. В дальнейшем, отдел предполагал поставить библиотеку и в организационном отношении, и в отношении ее обеспечения книгами в такие условия, при которых она могла бы быть использована возможно более широкими кругами участников рабочей кооперации.

Несколько особое положение в общей системе работ Культурно-Просветительного Отдела занимали хлопоты по организации дела в Лиговском Народном Доме (Народный дом графини Паниной).

Владелица и основательница этого Дома—графиня Панина передала его с 1-го января 1918 года сроком на полтора года в распоряжение Петросоюза. В расчете на широкую постановку общей и кооперативной просветительной работы в этом богатом здании (театр, аудитории, библиотека, обсерватория), Петросоюзом были предприняты уже в январе некоторые организационные шаги (приглашение особого управляющего домом, приступ к созданию коллектива культурных работников), но с самого же начала выяснилось, что сделать Лиговский Народный

Дом одним из опорных пунктов культурно-просветительной работы Петросоюза не так-то легко. В дело вмешался кружок бывш. воспитанников Дома, носившийся с мыслью превратить его в „Рабочий Дворец“ и очень враждебно отнесшийся к начинаниям Петросоюза. Пользуясь поддержкой Районного Совдепа, этот кружок не дал возможности нашему отделу немедленно же приступить к работе. Пришлось вступить на путь переговоров, которые в марте хотя и закончились некоторым соглашением, но зато заполнили собою большую часть весеннего сезона. В силу упущенного времени и организационных недочетов, обусловленных халатностью членов вышеуказанного кружка, наибольший цикл лекций по эволюции мира, поставленный в Лиговском Доме, прошел не особенно гладко, хотя лекции читались очень хорошо (читали Якобсон и Бенкен). С весны на владение Домом предъявил притязания Комиссариат Народного Просвещения. После длительных с ним переговоров уже в конце лета как будто вполне определилась полная для Петросоюза возможность распоряжаться Лиговским Народным Домом. В августе было приступлено к подготовительным работам по постановке в нем работы (выработаны программы курсов и лекций, проведены через Исп. Бюро сметы, установлены основы организации). И в тот момент, когда уже все было налажено, пришло известие, что Народный Дом национализирован. В результате переговоров Отдела с Комиссариатом Народного Просвещения, Петросоюзу удалось все же обеспечить себе значительную долю влияния на постановку в Лиговском Нар. Доме кооперативного просвещения. Отдел организовал в нем Кооперативные курсы и приступил к устройству выставок — музея по кооперации.

Другое культурно-просветительное начинание Петросоюза, связанное с Передвижным Театром П. П. Гайдебурова, коснулось нашего Отдела лишь мимоходом, так как выработка соглашения с труппой Гайдебурова и установление бюджета производились особой комиссией, в составе которой числился представитель Отдела. Так как П. П. Гайдебуров вступил в соглашение с Петросоюзом лишь на условии полной идейной от него независимости (т. е. признания его полной автономии в решении вопроса, как и что ставить в театре), то вся работа комиссии свелась к разработке ряда технических вопросов, для Отдела интереса не представлявших.

В интересах полноты нашего очерка, необходимо отметить то обстоятельство, что наш Отдел с самого же начала был ограничен в своей работе рамками, если можно так выразиться устной пропаганды. Вся „письменность“, т. е. издательское дело, являющееся одним из могущественнейших орудий просвещения, находилось в ведении другого отдела — Литературно-издательского. Такое самостоятельное существование двух родственных отделов, несомненно, нельзя признать рациональным.

Объединение *всей* культурно-просветительной деятельности в ведении *одного* отдела, подразделенного, смотря по надобности, на несколько подотделов, было бы, конечно, гораздо лучше для дела. Следует, однако, признать, что, в силу указанных выше крайне неблагоприятных внешних условий, даже самая совершенная, в смысле архитектуры, организация отдела едва ли дала бы результаты, сколько-нибудь отличные от имеющихся в данный момент налицо.

Таким образом, в общих чертах, итоги деятельности Культурно-просветительного отдела Петросоюза. Быть может, не совсем неуместным является вопрос: шла ли эта деятельность по верному пути. Не ошиблись ли мы в выборе направления и способов работы. В частности, не слишком ли много внимания уделено было общекультурной работе в ущерб работе по кооперативному просвещению.

Не может быть сомнения, что во многих случаях допущено было много ошибок, и сделано не мало промахов. Но, в виду отсутствия у рабочей кооперации опыта и традиций в этой области (как, впрочем, и во всей ее деятельности: ведь она переживает еще младенческий возраст), ошибки и промахи были

неизбежны. Что же касается *общего* направления культурно-просветительной деятельности, то оно определилось под влиянием трех факторов: а) постановки задач в начале, б) внешних условий, способствовавших разрешению одних и препятствовавших достижению других задач и в) наличием того опыта, какой сконцентрировался в составе отдела. Как показано было выше, начальная постановка задач была в достаточной мере широка, чтобы получилась возможность развить деятельность в любом направлении. Что же касается внешних условий, то они были совершенно неблагоприятны для развития кооперативного просвещения и способствовали преимущественно постановке работы среди детей. Наконец, опыт, имевшийся у лиц, входивших в состав отдела, предрасполагал их, главным образом, в сторону развития обще-культурной работы. Очень вероятно, что, если бы нашему отделу пришлось вновь организовать работу при тех же внешних условиях, но пользуясь уже приобретенным на службе кооперации опытом, то в области кооперативного просвещения сделано было бы несколько больше. Но в то же время весьма сомнительно, чтобы это „большее“ коренным образом изменило бы весь характер нашей работы в прошлом. Во всяком случае, почти годовой опыт сам по себе представляет уже очень большое приобретение, которое при благоприятных условиях даст возможность более широко и более целесообразно развить просветительную деятельность рабочей кооперации.

В заключение, необходимо хотя бы в нескольких словах обрисовать организацию отделом своей культурно-просветительной работы. Весь город был разбит на 7 районов, соответственно числу имевшихся и имеющих быть районных объединений. В каждом районе действовал инструктор-культурник (или практикант). На нем лежала обязанность содействовать обществам района в постановке всякого рода культурно-просветительных начинаний, при чем прежде всего инструктор старался вызвать к жизни культурно-просветительные комиссии, в тесном контакте с которыми он и вел дальнейшую свою работу в районе. Работа инструктора, в особенности на первых порах его деятельности, в период знакомства с районом, требовала от него огромной затраты сил и времени на ходьбу по лавкам, на знакомство с правленцами и влиятельными в районе кооперативными работниками, на посещение собраний и заседаний, на всякого рода переговоры и сношения с лицами и учреждениями, имеющими то или другое отношение к задуманным просветительным начинаниям. Некоторое и при том далеко неполное представление об этой организационной работе инструкторов дает общая сумма зарегистрированных заседаний всех культ.-просв. комиссий в районах.

В целях объединения работы в районах, товарищеского обмена мнениями по разным случаям культурно-просветительной практики, постановки, обсуждения и решения новых вопросов, раз в неделю — обыкновенно в среду — в отделе происходило общее заседание коллегии, постановления которого заносились в протокол. В случае надобности, что бывало нередко, заседания коллегии происходили и чаще. В заседаниях отдела иногда принимали участие представители других отделов Петросоюза (Литературно-издательского, Инструкторского, Секретариата, Театрального отдела).

Все свои решения, связанные с ассигновками или имеющие общее значение, отдел вносил на рассмотрение Секретариата, с заключением которого они передавались в Исп. Бюро, которое и давало им последнюю санкцию.

С самого же начала своей деятельности отдел признал необходимым устраивать время от времени общие совещания представителей культ.-просв. комиссий, действующих в районах. Первое такое совещание удалось однако собрать только в начале летнего сезона 4-го июня с. г. На совещании присутствовали представители от 17 к.-пр. комиссий. Предполагавшееся подобное же совещание в начале осеннего сезона не могло быть созвано вследствие крайне неопре-

деленного и тревожного состояния, в котором с середины сентября находится Петросоюз и входящие в него общества. При сколько-нибудь нормальных условиях такие совещания, несомненно, должны приобрести огромное значение как при постановке, так и при осуществлении культурно-просветительных заданий рабочей кооперации.

Н. Н. Андреев.

Деятельность Библиотечного отдела Комитета Гражданского Просвещения.

Совершенно незаметно для широких кругов проходит важная и значительная работа Комитета Гражданского Просвещения в области организации и составления народных библиотек.

Деятельность эта вначале сосредоточивалась исключительно на рекомендации полезных и общедоступных книг по различным отраслям знания. Начиная с декабря 1917 г. по май 1918 г. было составлено громадное количество рецензий о различных книгах и брошюрах. Вся эта проделанная большая работа, даже при самом скромном вознаграждении литературного труда, потребовала около 10 тыс. рублей.

И вот, в самом процессе работы выяснилось, что представители трудовой демократии, ищущие знания, нуждаются не только в советах и указаниях, какую книгу читать, но и в том, как ее добыть и извлечь из книжного рынка. Извлечение книг, т. е. их нахождение и покупка—это дело, требующее также специального навыка и умения. Так и понял свои задания Библиотечный отдел Комитета, когда он от рецензий перешел, начиная с июня 1918 г. к комплектованию библиотек и читален. Придя на помощь, главным образом, беспомощной провинции Библиотечный отдел развил плодотворную работу. К сожалению, недостаток средств не позволил Комитету придать своей работе соответствующий размах. Требования возрастали, а удовлетворение этих требований далеко не поспевало за ростом предъявляемого спроса и на хорошую книгу, и на организацию библиотек. До 75% книг, рекомендуемых указателями, распроданы. Книги исчезают с рынка быстро. При таких условиях недостаток оборотных сумм роковым образом отразился на деятельности Библиотечного отдела.

Но все же, благодаря опытности, знанию и исключительной энергии лиц, стоящих во главе Библиотечного отдела, — удалось с июня 1918 по янв. 1919 г. исполнить ряд заказов по составлению библиотек для школ, библиотек и читален. Всего сдано на сумму около 26 тыс. руб. При чем из этой суммы на долю школьных библиотек приходится 11 тыс. руб., а на долю библиотек клубных и культ.-просвет. обществ приходится на 15 тыс. с лишним рублей. Если же принять во внимание, что число школьных библиотек, получивших исполненные заказы в два раза больше, чем библиотек клубных и культ.-просвет. обществ, то на каждую библиотеку школьную, в среднем, приходится на 500 руб. книг, а на клубную и культ.-просвет. на 1000 руб. книг. Некоторые более богатые общества заказывали на сумму, значительно превышающую среднюю цифру. Так, напр., Народная библиотека Никольского кружка приобрела через Комитет на 4029 р. 45 к. книг.

Помимо уже исполненных заказов, к 1 февр. 1919 г. приготовлено к сдаче книг для десяти библиотек, в общем, на сумму 12,874 р. 40 к. Таким образом,

вместе с предыдущими, скомплектовано 50 библиотек на общую сумму 38,781 р. 85к.

Деятельность Комитета расширяется, но непреодолимые препятствия стоят на его пути: недостаток оборотных средств и стремительное оскудение книжного рынка. Сейчас (к 1 февр.) имеется ряд невыполненных заказов, в общей сумме на 190,125 руб. (для 26 библиотек). Есть заказы очень значительные. Напр., Гдовский Совет заказал на сумму 30 тыс. руб.

За составление библиотеки отдел берет небольшой процент, но в настоящее время признана им недостаточность этого процента, и отдел Комитета решил брать еще известный процент за комплектование библиотеки, т. е. за плановый подбор необходимых книг.

Будет очень жаль, если угрожающее положение книжного рынка сведет к нулю все эту плодотворную работу. А что это так может случиться, — ясно для каждого опытного покупателя книг. Если уже теперь 75% необходимых книг отсутствуют на книжном рынке, то в ближайшем будущем только одну десятую часть книг можно будет добыть с величайшим трудом.

Возникает серьезный вопрос борьбы с книжным голодом, путем организации общественных издательств. Но это, в свою очередь, можно будет осуществить тогда, когда производительные силы, как и рабочие руки, будут находиться в более нормальном состоянии.

И. А.

КООПЕРАТИВНАЯ ХРОНИКА.

Культурно-просветительная деятельность кооперации.

Успех культурно-просветительной деятельности кооперации, характер и содержание этой деятельности зависят не только от положения кооперации, как общественно-хозяйственной организации, но и от всего социально-политического уклада жизни. Это настолько общеизвестный факт, что распространяться об этом не приходится.

С первого взгляда должно казаться, что социально-политические условия сейчас самые благоприятные для культурно-просветительной деятельности кооперации. Но на деле это не так. Культурное строительство, как и все строительство новой России, еще впереди.

Жизнь, однако, не ждет, а настоятельно требует своего. Потребность культурного строительства новая России настолько громадна, и значение кооперации, как организации, основанной на самостоятельности и располагающей большими средствами, настолько в этом отношении велико, что, несмотря на все неблагоприятные условия, культурно-просветительная ее деятельность быстро развивается вширь и вглубь. Интенсивно идет процесс культурного творчества кооперации. На все запросы жизни спешит она дать посильный ответ и, в первую очередь, на запросы сельской России. Последняя всегда была обездолена городом: лучшие ее силы и самые активные элементы отвлекались оттуда. Получив образование, они, вместо того, чтобы нести культуру в деревню, старались основательно забыть ее. Кооперация старается теперь, в первую очередь, исправить эту ошибку. Она стремится прежде всего воспитать активную гражданскую демократию самой деревни при посредстве школ, училищ, курсов. Вот несколько примеров из области этой деятельности кооперации.

На состоявшемся чрезвычайном собрании уполномоченных Кредитных и Ссудо-сберегательных Товариществ Воронежской губернии на среднее кооперативное училище ассигновано 90,000 рублей, из коих 60,000 на устройство училища, а 30,000 на устройство учащихся, на располагающих необходимыми средствами. На эти средства Советом Воронежских Кооперативных Съездов открыто 4-х-классное среднее кооперативное училище с подготовительным классом для лиц неподготовленных. В первых двух классах преподаются обще-образовательные предметы: математика, история и предметы, долженствующие послужить основанием для дальнейшего усвоения специальных предметов, как - то: физики, химии и др. Предметами старших классов являются: товароведение, законоведение, политическая экономия, коммерческая география, счетоводство, сельско-хозяйственная экономия, теория, история и практика кооперации. Принимаются в училище преимущественно дети сельского населения. „Надо создать такую школу,

которая готовила бы кооператоров-граждан для деревни, организаторов сельской демократии, авангардом которой является сельская кооперативная среда"—сказал П. Н. Макаров в своей приветственной речи при открытии Педагогического Совета училища.

30 го Октября, в годовщину смерти Н. Г. Чернышевского, в Саратове открыта Крае-союзом школа кооперации его имени. «Мы должны подготовить и снабдить деревню знающими работниками», определил в своей речи М. Ф. Петин, директор этой школы. Союз Кооперативов Смоленского района открыл школу по подготовке работников в кооперативы на 60 человек для лиц обоего пола не моложе 18 лет. Состоят они из трех курсов: подготовительного, специального и дополнительного. На подготовительном курсе установлены занятия по русскому языку, арифметике; на специальном—по предметам, относящимся к теории, истории, практике кооперации, а на дополнительном проходится: экономическая география, краеведение, краткие сведения из гигиены, вопросы страхования. Полный курс занятий в школе, рассчитан на 3 месяца.

Большим завоеванием кооперации в области культурно-просветительной ее деятельности последнего времени является открытие 30-го сентября в Москве Кооперативного Института. Последний, по словам В. Н. Зельгейма, открывшего Институт, должен сделаться лабораторией кооперативной мысли и движения, сосредоточением всех Кооперативных материалов, должен стать гармоническим синтезом науки и жизни. Он ставит себе целью дать своим слушателям специальное кооперативное научное образование и предоставить им возможность углубления их обще-экономического образования. Кроме того, в целях широкой популяризации Кооперативных знаний, при Институте будут открыты временные курсы. Намечены следующие курсы: 1) По кооперативной статистике — 10 дней; 2) Обще-кооперативной — Повторительный курс для кооперативных работников — 6 недель; 3) По банковскому счетоводству — 6 недель; 4) По организации крупных потребительных обществ — 2 недели; 5) По холодильному делу — 6 недель.

Открытие Кооперативного Института было давнишним чаянием русской кооперации. Еще Всероссийский Кооперативный Съезд 1913 год вынес постановление об этом. Февральский Всероссийский Кооперативный Съезд прошлого года повторил это постановление. И, наконец, это стало фактом.

Помимо подготовки кооперативных работников и создания активного ядра сельской демократии, кооперацией принимается ряд образовательных мер, в целях воздействия на широкие слои населения, в особенности, сельского. Важнейшие из этих мер суть: музей, выставка, краткосрочные общеобразовательные курсы и, в частности, издательство.

Так, Совет Кооперативных Съездов Воронежской губернии приступил к организации музея по кооперации и сельскому хозяйству. Работа организации по собиранию коллекций для музея ведется Советом по следующему плану: весь музей разбит на 4 главных основных отдела по видам кооперации: кредитной, потребительской, производительной и сельскохозяйственной. По каждому из этих отделов собираются материалы, рисующие рост вида кооперации, положительные и отрицательные стороны его деятельности, финансовую мощь и т. д. По Воронежскому Союзу Кредитных и Ссудосберегательных Товариществ, например, музей дает полное представление об истории возникновения и настоящего положения этого союза и отдельных его отделов: банковского, товарного, инструкторско-ревизионное, сбыте, заготовке и сушке овощей, прицентромышленной и др. С этой целью, собираются карты, диаграммы, картограммы, фотографии,

модели и наборы предметов и продуктов сбыта и снабжения. Для иллюстрации деятельности Союза по заготовке и сушке овощей будут в музее представлены образцы сушеных овощей и литература по этому предмету. В птицепромышленном отделе — различные породы кур, различных размеров и нескости яиц и т. д. То-же самое и в других отделах. Музей, стало быть, будет иметь большое значение не только для изучения кооперации Воронежской губернии, но и ее богатств и всех отраслей промышленности и сельского хозяйства. Он дает возможность ознакомиться с рациональной постановкой многих отраслей промышленности и сельскохозяйственной культуры и будет иметь большое образовательное значение для широких слоев населения.

И такого рода образовательные учреждения являются не только делом крупных кооперативных организаций, как Совет Воронежских Съездов, но и мелких. В одном из сел Рыбинского уезда Ярославской губернии, например, открыта сельско-хозяйственным обществом этого уезда сельско-хозяйственная трудовая выставка с очень разнообразным содержанием: в нем имеются отделы—полеводства, огородничества, маслоделия и сыроварения, кустарный и рукоделия и друг.

В целях образовательного воздействия на широкие слои населения, не оставляются кооперацией, конечно, без внимания и курсы и лекции; но мероприятия эти теперь редко имеют успех. Но что они должны все-таки иметь применение доказывает опыт Ярославского Союза Потребительных Обществ, который 29-го октября организовал курсы по истории и литературе в селе Вятском. Курсы, продолжительностью в 3 и 4 дня, сопровождались демонстрациями туманных картин и картин лучших русских художников. И численность аудитории, по сообщению корреспондента журнала «Ярославского Союза Потребительных Обществ», составляла 100--250 человек.

Но самым частым, самым распространенным и самым верным образовательным средством воздействия на широкие слои населения является в руках кооперации и сейчас *книгоиздательство*. В каждом почти номере кооперативных журналов находим сообщения о новых изданиях, об организации библиотек, а в особенности, книжных складов.

В этой области кооперацией уделяется, конечно, много внимания собственным вопросам. Особенно энергичную деятельность проявляет в этом отношении секретариат Центросоюза, который в последнее время приступил к изданию и подготовке целого ряда новых книг, освещающих кооперативное движение Западной Европы, с самых разнообразных точек зрения. По истории кооперативного движения готовят секретариатом к печати четыре книги, среди которых первое место занимают труды Хеллиока «История Кооперации»—2 тома и Б. Вебб: «История, теория и практика английской кооперации». Кроме того, секретариат приступил к изданию книг и брошюр, которые в сжатой форме вводили бы читателя в курс кооперативных знаний. В виде опыта, с этой целью, в первый раз издается «Кооперативная хрестоматия», составленная профессором В. Ф. Тотомианцем, в отрывках из произведений, статей, речей выдающихся кооператоров, научных и общественных деятелей.

Но собственные вопросы самой кооперации далеко не первое место занимают в ее издательской деятельности и организации ею библиотек и книжных складов. Напротив, очень много внимания уделяется ею популяризации знаний вообще и широкому знакомству с вопросами разнообразных отраслей науки, искусства и литературы, что является, несомненно, одной из неоспоримых громадных ее заслуг. Вот, для иллюстрации размера и значения работы кооперации в этой области некоторые, хотя

случайные и отрывочные примеры. В самом своем начале *Книжный склад* Союза (Кооперативов Смоленского района) имел только счетоводные книги и бланки и книги и брошюры по кооперации. Затем постепенно вводились другие отделы, как-то: книги по агрономии, политическим вопросам и друг. В настоящее время склад принял довольно широкие размеры. Все книги разбиты на следующие отделы:

1. Кооперация,
2. Агрономия,
3. Беллетеристика,
4. История,
5. География,
6. Обществоведение,
7. Театр,
8. Педагогика,
9. Учебники,
10. Счетоводные книги и бланки,
11. Картины, плакаты и учебные пособия.

Книжный склад принимает заказы на составление библиотек на разные цены. Журнал «Кооперативное Слово», № 28 и 29, за текущий год.

«Астраханский Губернский Совет Кооперативных Съездов открыл книжный склад с отделами: кооперации, экономическим и обще-литературным. Вскоре возник вопрос об учебных пособиях для разных учебных заведений, и пришлось дело расширить. За два месяца наличность склада увеличилась с 19,000 до 65,000 рублей и торговля все подвигается вперед», читаем в «Волго-Каспийском Кооператоре», органе этого Совета.

„При Неторговом отделе Ярославского Союза Потребительных Обществ учрежден склад учебно-вспомогательных пособий по кооперативному просвещению и общей культурно-просветительной деятельности кооперации. На складе имеются комплекты световых картин для народных чтений, волшебных фонарей, театральные библиотеки, справочные библиотеки, склад париков, грима и театральных костюмов, коллекции художественных картин и диаграмм для иллюстрации лекций и чтений“, пишет журнал этого Союза.

Так многообразна и разнообразна деятельность кооперации в области книгоиздательства. И это не только в крупных центрах или губернских городах, но даже уездных и самых глухих.

„Культурно-просветительный отдел, располагая одним только инструктором“,—читаем мы в № 5 „Бюллетеня Союза Кооперативов“ Кинешемского уезда этого года, работа которого наряду с общей работой по участию в организации курсов в Вичуге и Кинешме, сводилась к рекомендации и комплектованию библиотек через союзный книжный склад, приведению в порядок библиотеки местного Комиссариата Просвещения, установлению связей с существующими в районе культурными ячейками и снабжению их световыми картинами и фонарями. (Было произведено по 30 выдач световых картин). Отдел располагал следующими пособиями:

2 кинематографа,

5 проэекционных фонарей,

около 800 световых картин,

около 300 картин (литографий) по истории, географии и естествознанию.

Выписан музей наглядных пособий по естествоведению, технологии, физике, общей стоимостью до 6.000 рублей.

Всего счетоводных книг и литературы по разным вопросам отпущено на 53.400 рублей. Библиотек подобрано около 40. В дальнейшем, операции склада расширяются.

Кроме того, кооперацией принимаются и энергичные меры для отстранения главного препятствия настоящего времени по распространению книг—исчезновения книги с рынка.

С этой целью крупнейшие ее центральные организации,—Центросоюз, Совет Всероссийских Кооперативных Съездов, Всероссийский Совет Рабочей Кооперации, Продпуть, Центральный Московский Кооператив «Кооперация», Московский Центральный Рабочий Кооператив и др. создали *Бюро Кооперативных Организаций по закупке книг*. Бюро пока носит характер регулярных совещаний, созываемых для обсуждения отдельных поступающих предложений, но имеет превратиться в постоянно действующий закупочный аппарат с собственным персоналом и средствами, созданными из паевых взносов. В бюро уже поступил ряд предложений от различных издательств частных и общественных, предлагающих % скидки. С некоторыми издательствами бюро входит в более тесный контакт, и ему предоставлено право влиять и на направление издательства.

Культурно-просветительная деятельность кооперации, как видим, и сейчас идет очень интенсивно. Ею ведется разносторонняя культурная работа и очень большая работа. Она усиленно принимает участие во всех сторонах культурного строительства новой России. Всеми доступными ей способами кооперация несет свет в самую глушь, будит мысль всех и всякого, воспитывает и закаляет активность деревенской демократии.

И это самый наглядный, самый убедительный и самый лучший ответ, который дает, может и должна дать кооперация на вопрос о том, должна ли она заниматься культурно-просветительной деятельностью.

Я. Ривлин.

Первый Всероссийский съезд по кооперативному просвещению и культ.-пр. деятельности кооперации.

С 3-го по 11 февраля происходил в Москве первый съезд по культ.-пр. работе кооперации. Потребность в таком съезде чувствовалась давно.

На съезде было представлено 127 организаций: 207 решающими и 26 с 49 совещательными голосами из более, чем 20 губерний. Была, таким образом, представлена вся советская Россия, начиная с Харькова и Чернигова до Олонии. 50 % участников были инструктора, 30 % заведующие отделами, 20%—представители правлений кооперативов. За время съезда было 8 общих заседаний, остальное время шла работа по секциям. Секций было 5 — по общим вопросам, книжного дела, кооперативного просвещения, к.-пр. работы среди взрослого населения, к.-пр. работы среди детей.

Уже из одного перечисления секций, видно что вопрос был поставлен инициаторами съезда широко, во всем объеме, во всех областях; докладов было подготовлено очень много, но, несмотря на продолжительность съезда интенсивность его работы, далеко не все их удалось заслушать даже по секциям.

Благодаря широте заданий, общий характер работ съезда отличался некоторой расплывчатостью, излишней торопливостью, пожалуй, даже суетливостью—хотелось их дать возможно больше, а времени было слишком мало. Это особенно чувствовалось в секциях, где, чтобы заслушать доклад, приходилось то-и-дело обрывать прения, только что начинавшие широко и содержательно развирываться. Это, естественно, вызывало недовольство части членов съезда. Не раз

раздавались голоса: «Да дайте же поделиться тем, что у нас наболело, выслушать то, что делается на местах, доклады-то мы и напечатанные смогли-бы прочитать». Углубить вопросы, вынести по ним более конкретные решения было часто невозможно. Поэтому съезд скорее поставил и наметил целый ряд вопросов, чем решил их.

Резолюции съезда по основным вопросам эластичны, да и то принимались часто незначительным большинством. Напр., характерная поправка Хейсина, вписавшая ограничение в размах к.-пр. работы кооперации, разделила съезд почти пополам — 55 и 54 голоса. Во всех работах — как сказал председатель Минин — не было основной оси. Чувствовалось, насколько к.-пр. работа кооперации — еще дело новое, неоформленное, только еле намечающееся. В этой области русская кооперация еще не вышла из периода исканий. Переживаемое сложное и трудное время осложняет и запутывает и менее обширные задачи.

И все эти свойства постановки работы в жизни отразились и на работах съезда, к тому же первого и потому, естественно, страшившегося поставить все вопросы, наметить решения по *всем* заданиям.

На съезде говорилось, преимущественно, почти даже исключительно, о работе в деревне. Немногочисленные городские голоса совершенно тонули в голосах деревни; на вопросы городской кооперации съезд почти не реагировал, быстро проходя мимо них, сводя их неизменно к вопросам сельской жизни. Представители города — особенно крупного — чувствовали себя обделенными, что отражалось больше всего в „Бульварных“ разговорах, но проскальзывало и на заседаниях. Но и это явление — естественное и жизненное. Отчасти оно отражает удельный вес крестьянства в жизни России, отчасти же объясняется тем, что городской пролетариат в к.-пр. смысле обслуживается несравненно лучше, чем деревня многочисленными и разнообразными организациями.

Съезд отличался деловитостью, серьезностью при всей торопливости и распыляемости и почти полным отсутствием на нем острых политических вопросов. Политики сознательно или бессознательно точно все избегали. Раз два политика все-таки ворвалась в спокойную, деловую атмосферу съезда, но не надолго и быстро ликвидировалась, хотя точас и страстными репликами ораторов. И это, кажется, объясняется не тем, что на местах в этом смысле все благополучно.

Из отрывочных данных, мелькавших в сообщениях членов, рисовалась подчас почти фантастическая действительность произвола и насилия. Чего стоит, напр., факт «реквизиции» членов правления кооператива (Ряз. губ.) для налаживания дела в советской лавке! Но настроение съезда по отношению к русской действительности было настолько само собой понятно для громадного, подавляющего большинства, что не стоило и говорить о нем. Все слова и всеми об этом уже сказаны, надо делать дело, соответствующее этим словам — вот, как кажется — можно было-бы выразить это настроение. Собрались люди, в большинстве горячо преданные работе, верящие в ее действенность, подчас даже преувеличивающие ее самодовлеющее значение; собрались в первый раз, чтобы решить ряд животрепещущих, поставленных самой жизнью вопросов, и как ни жутко в житейской обстановке от политики, как ни тесно связана сама работа с нею — но большинству хотелось верить, что выход из тупика русской жизни не в занятиях политикой, не в разговорах о политике, сыгравших такую роковую роль в современной истории России, а в широкой и глубокой органической работе культурного строительства. Вот чем, кажется, объясняется эта как бы аполитичность съезда, а не сознательным „бережением“ его, как казалось представителю Минину.

Интересен и личный состав съезда. Это почти прежний «третий» земский элемент, пожалуй, более серый, менее интеллигентский, ближе стоящий к земле и народу, с заметной „народной“ простотой. Настроение иногда напоминающее — с соответственными времени поправками — прежнее народничество, подчас с укло-

ном в сторону религиозно - мистическую, иной раз с привкусом толстовства. Не учить народ, а учиться у него должны мы" — сказала Шаховская, доклад который был одним из наиболее заинтересовавших с'езд. Недаром чуть ни каждый член с'езда покупал Толстовское евангелие и толстовскую литературу, в изобилии продававшуюся на ряду с кооперативной на с'езде. Недаром начавшийся было довольно вяло с'езд оживился и сразу как то подтянулся после доклада Арманд, проникнутой почти религиозной приподнятостью и воодушевлением проповедника новой веры.

Переходя от настроений с'езда к его работе, надо заметить, что нет возможности в журнальной статье остановиться на всех глубоко интересных вопросах, то мимоходом и вскользь задевавшихся на с'езде, то останавливавших его внимание на более продолжительное время. Следует только, хотя бы бегло, обрисовать те вопросы, которые с одной стороны, более затронули с'езд, с другой — имеют и общий интерес.

Самым основным, самым боевым вопросом с'езда был остро стоящий в жизни, не мало вызвавший политики в кооперативной прессе, вопрос о границах и объеме культурно-просветительной работы кооперации.

По этому вопросу была принята следующая резолюция:

1. С'езд признает, что кооперативное просвещение и кооперативное воспитание составляет неотъемлемую органическую часть кооперативного движения.
2. Широкая постановка кооперативного просвещения и воспитания неизбежно связана с общей просветительной работой кооперации. Крайне низкий уровень общего развития, характерный для рядового русского кооператора, отсутствие в стране в настоящий момент публично-правовых органов, которые ставили бы достаточно глубоко и планомерно дело внешкольного образования, усиливает в значительной степени для русской кооперации необходимость прочно связать всю кооперативно-просветительную работу с достаточно широко поставленной работой обще-просветительной среди всего населения.
3. Составляя неотъемлемую часть всей работы кооперации, эта просветительная деятельность мыслима лишь в тесной связи с деятельностью хозяйственной, и потому существование специально культурно-просветительных организаций не снимает с кооперации обязательства нести свою культурно-просветительную работу.
4. Отмечая, что необычайный рост кооперации в России способен превратиться в действительное кооперативное движение лишь при условии решительного воздействия на кооперативное сознание широких масс, приобщенных к кооперации, с'езд призывает все кооперативные круги обратить самое серьезное внимание на возможно широкую постановку просветительной работы в духе кооперативных идеалов.

Резолюция относительно работы со взрослым населением указывает на к.-пр. работу кооперации, как направленную к общему подъему уровня развития широких масс, но вносит легкие ограничительные поправки в смысле фиксирования внимания на вопросах, близких к быту и хозяйственной и кооперат. деятельности населения.

Вопрос о детях вызвал довольно много разговоров на с'езде. И громадным большинством был решен положительно — кооперация должна распространять свою работу и на детей, потому что это, с одной стороны, наилучший способ заинтересовать население и приобрести его симпатии, с другой — подготовить кадры будущих работников кооперации. Характер работы с детьми указан в резолюциях 5 секции самый разносторонний. Интересны указания на желательность и возможность кооперирования детей в их хозяйственной работе путем организации школьных кооперативов, артелей — газетчиков, по сбору ягод, грибов, консервировании этих продуктов, сельско-хозяйственных клубов и т. п.

Следующим по интересу вопросом, поставленным съездом, был вопрос — как вести работы: экстенсивно ли, стремясь захватить наиболее широкую массу населения, если лучше сосредоточить свое внимание на отдельных избранных „первенцах“ кооперации, углубляя и концентрируя работу на немногих, потому что только через них, через избранных, можно победить инерцию масс. И по этому вопросу нет решительного ответа ни в ту, ни в другую сторону — нужно и то, и другое, — говорит резолюция. Отчасти, в связи с этим, большой интерес съезда возбудил вопрос о культурно-просветительных кружках.

Что такое эти кружки — не жизнеспособные, искусственные насаждения интеллигенции или это естественное многообещающее явление самой народной жизни? Факт широкого, повсеместного — от Чернигова до Петрозаводска — распространения кружков говорит, что существуют какие-то общие, глубокие причины их возникновения. С другой стороны, как быстро они возникают, так же быстро часто они и гибнут: еще чаще — вырождаются в свою противоположность. Но это не свидетельствует еще против кружков. Это только признак того, что они не нашли еще своего настоящего пути. В их развитии уже сейчас можно подметить известную закономерность. Надо помочь им найти определенную работу, взять на себя известные, практические задания, выполнимые в определенный срок. Кооперация должна оказывать великое содействие таким самостоятельным кружкам, которые, при углубленной работе в собственной среде, могут стать проводниками культурного влияния на широкие круги населения. В круг задач таких кружков должно быть включено, с одной стороны, развитие практических навыков к разумной хозяйственной деятельности, а с другой — воспитание нравственного сознания и действительной взаимопомощи. Как практические формы, могут быть предложены — кружки саморазвития, кружки активных кооператоров, сельско-хозяйственные кружки, кружки по изучению местного края и др. организации, объединяющие своих членов не на почве отвлеченного просветительства, а для осуществления реального дела. Как на одну из форм содействия кружкам, съезд указал, между прочим, на необходимость организации комиссии для руководства домашним чтением.

Из вопросов организационных спорным явился вопрос, выдвинутый Медынским, о создании кооперативов для к.-пр. работы, как особых специальных организаций. „Не просвещение — в кооперации, а кооперация — в просвещении“, — как формулировал это сам Медынский. Не может кооперация отдавать свои дела в чужие руки, нельзя отрывать душу от тела — аргументировали его противники. Да и практически, в обстановке русской деревенской жизни это невозможно из-за отсутствия людей. Пленум, стоявший на точке зрения необходимости планомерного объединения к.-пр. работы, высказался за создание всероссийских и губернских союзов просветительных организаций, в которые могут входить и кооперативы, но последние должны сохранять за собой свою к.-пр. работу, не передавая ее всецело союзам просветительных организаций.

Много времени заняли вопросы чисто кооперативного просвещения. Интересны были обстоятельные доклады и прения по кооперативным курсам, по подготовке инструкторского персонала, по вопросам пропаганды кооперативных идей в школах, особенно подготавливающих педагогический персонал. Несколько заседаний было посвящено вопросам художественного воспитания, постановка краеведения, высшей крестьянской школе. Особая секция разрабатывала столь острые и большие теперь вопросы книжного и журнального дела.

Словом, кажется, нет вопроса в области к.-пр. работы, который ни был бы затронут съездом. Правда, почти ни один вопрос не углублен достаточно, не разработан до конца. По большей части, только поставлен, формулирован самый вопрос, помечена схема и направление решения, да и то в самых расплывчатых чертах. Указана необходимость его разработки, высказано пожелание созыва ряда специальных съездов, поставлен ряд обширнейших заданий совету коопер. съездов. Но не надо забывать, что это — *первый* съезд по этим вопросам. Его задачей и было наметить.

выдвинуть определенные вопросы. И эту задачу он исполнил. Почти заново поставлен, но несомненно, выдвинут на первый план вопрос о кооперативном воспитании в противовес обучению. Заронена мысль об углублении работы, концентрации ее на немногих и, наконец, проведена идея „распыления самостоятельности“—выдвинута необходимость самостоятельности не только крупных кооперативов, но и важная роль мелких культурных самостоятельных ячеек. Практические результаты работы съезда скажутся несомненно, только при условии дальнейшей практической и теоретической разработки поставленных и намеченных им вопросов, но толчек к такой работе съезд, несомненно, дал.

В заключение, необходимо указать на одну черту, характерную почти для всех работ съезда. Это яркое подчеркивание идейной стороны кооперации, ее этических, вечных мотивов. Слова о братской любви, единении, о нравственных основах жизни, раздававшиеся с кафедры, находили несомненный отклик в аудитории, каждый раз оживляли и волновали ее. Даже оттенок религиозного мистицизма порой проскальзывал в отдельных речах и встречался, если не соучастивно, то и не враждебно и без насмешки. О чем это свидетельствует? Есть ли это признак усталости, обычной русской пассивности, мягкотелости, — опасный признак грядущей большей реакции, как утверждали некоторые участники съезда. Или это— пробуждение интереса к вопросам нравственного возрождения человека, здоровая реакция против всеобщего озверения, пробуждение человеческого в человеке, пробуждение идеализма — залог возрождения, начало, первые, отдаленные, быть может, признаки новой жизни, нового здорового строительства? Думается, — последнее ближе к истине.

А. Слетова.

Первая кооперативная гимназия.

До последнего времени просветительная работа кооперативов велась, главным образом, в области т. н. внешкольного образования, и только с начала революции кооперативы обратили внимание на создание и поддержку школ. Кроме учебных заведений для подготовки кооперативных работников, как, напр., Московский и Петроградский Кооперативные Институты, Харьковская, Московская и Уфимская кооперативные школы и проч., создаются общеобразовательные школы: в Ташкенте—реальное учил., в Новгороде—коммерческое уч., в нескольких пунктах—высшие крестьянские школы. В Кронштадте осенью 1917 г. была открыта первая в России гимназия кооператоров.

Мысль о создании гимназии явилась у руководителей Кронштадтского Союза Потребит. обществ „Польза“. На собрании уполномоченных этого Союза предложение об учреждении гимназии было принято почти без прений. Вызвал прения лишь вопрос, будет ли гимназия общедоступной, или будут приниматься только дети членов кооперативов. В результате прений, было решено, что гимназия открывается „для способнейших и беднейших детей“, при чем на содержание гимназии было решено отчислять 20% из прибыли каждого общества. Обучение детей бесплатное.

Быстро был подобран соответствующий штат преподавателей, найдено помещение (бесплатное, в здании Морск. Инженерного училища), и в октябре 1917 г. удалось начать занятия. В первый год было открыто три класса: подготовительный, 1-й и 2-й. Принимались в гимназию дети обоого пола по конкурсному экзамену (чтобы отобрать способнейших), при чем было принято всего 90 человек. К концу учебного года количество учеников упало до 65. Осенью 1918 г. были вновь открыты младший подготовительный и 3-й классы, при чем во всех пяти классах 160 учащихся.

Все реформы в области преподавания гимназия кооператоров проводит у себя раньше других учебных заведений. Так, еще до правительственного распоряжения была введена новая орфография; Закон Божий не преподавался. Теперь гимназия перестраивается по типу трудовой школы. Вводится преподавание рукоделия (для мальчиков и девочек), устраиваются столярная, слесарная и переплетная мастерские.

Во главе гимназии стал Комитет, куда вошли: педагогический совет, представители кооперативных обществ (11 чел.) и представители местного самоуправления. Содержалась гимназия, как выше сказано, на средства кооперативов, при чем за 1917-18 учебный год израсходовано всего 40700 рублсй.

Теперь расходы резко повышаются. Только на 1918 год предполагаемый по смете расход достигает 90000 рублей. Отчислить такую сумму Кронштадтские кооперативы не могут: поэтому на содержание гимназии будет выдавать субсидию Кронштадтский Отдел Народного Образования, из средств же кооперативов будут покрываться расходы на учебные пособия.

Петр Колышко.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Культурно-просветительная работа в Твери и Смоленске *).

I.

Как и следовало ожидать, обследование культурно-просветительной деятельности в *Твери* выяснило, что просветительная работа держится, главным образом, на кооперации. Первое место в этой работе, несомненно, принадлежит Тверскому Посредническому Т-ву Кооперативов, при котором правильно действует образованный в ноябре 1917 г. особый Культурно-просветительный отдел. Т-во — довольно мощное кооперативное объединение — имело возможность дать Культурно-просветительному отделу прочное финансовое основание уже при самом возникновении, ассигновав в *сметном порядке* на 1917 г. 25.000 руб. и выделив, сверх того, известную часть из прибылей 1916 года.

Культурно-просветительному отделу, благодаря ряду благоприятных обстоятельств (в том числе подбору подготовленных работников), удалось сравнительно быстро пережить период *только* подготовительной, организационной работы и перейти к планомерной и непрерывно расширяющейся деятельности. В настоящее время в отделе работают 5 инструкторов-внешкольников, 2 библиотекаря, заведывающий театрально-прокатным складом, 2 техника при кинематографическом аппарате, временно приглашенное для подготовительной работы по выставкам передвижным и стационарным лицо и секретарь отдела.

Отдел поставил в общий план своей работы, как это указано в его отчете, следующие задачи:

1) распространение научного знания посредством организации чтений, лекций и бесед, школ для взрослых и курсов, библиотек, читален, выставок, музеев, экскурсий и пр.;

2) введение искусства в обиход населения посредством организации народных хоров, оркестров, детского театра, передвижных художественных выставок, музеев, экскурсий и пр.;

3) организацию учреждений, охраняющих здоровье детей членов кооперативов и воспитывающих в них общественные навыки;

4) согласование и объединение культурно-просветительной кооперативной деятельности и создание местных объединяющих центров, в виде культ.-просвет. обществ и народных домов.

План этот, следовательно, не имеет в виду только „углубление и укрепление кооперативного сознания“ и далеко не во всем рассчитан *только* на ту

*) Из отчета иногороднего уполномоченного Об-ва А. Е. Шейнберга.

часть населения, которая объединена кооперативами. Деятельность отдела на практике стремится охватить все формы содействия внешкольному образованию и удовлетворить, по возможности, запросы всего населения.

На просветительности Тверского Т-ва, вообще, можно остановиться, как на характерной для кооперации в нынешней стадии развития последней: здесь можно проследить, какой устанавливается *тип* просветительной кооперативной организации.

Развернуть особенно широко свою работу Т-во, конечно, еще не успело, но многое все же делается и уже сделано.

Прежде всего, весь отдел в целом это — широко-открытое справочное бюро по всем вопросам внешкольного образования для Твери и губернии.

Затем, отдел—организатор просветительных обществ, драматических кружков и пр., по преимуществу, в деревне. И в этом направлении следует отметить значительную активность отдела и инициативу: он пытается толкнуть население на мысль об организации просветительных о-в, народных домов и пр. Но он подхватывает и обратную, идущую с низов волну активности и инициативы в деле строительства просветительных организаций. Отовсюду поступают требования и запросы о помощи просветительной, — деревня просит знаний, в том числе, конечно, и прикладных. Справиться со всем отделу при небольшом числе работников, разумеется, не удастся. И вот в этом и коренится слабая сторона просветительной работы в провинции, вообще, и отдела, в частности — недостаток в культурных работниках.

Очень ценную работу проделал отдел по обследованию Тверской губ., по составлению карты всех просветительных организаций. Обследование не вполне еще закончено, но результаты его, даже в сыром виде, уже представляют ценный материал, — в частности — для выяснения вопроса о возможности „сгласования и объединения“ деятельности отдельных просветительных организаций.

Тут же вскользь отмечу, что отдел в настоящее время собирает материалы по изучению родного края (Тверск. губ.) и кладет основание соответственной библиотеке.

Деятельность отдельных инструкторов, главным образом, определяется их специальностью и в последнее время для большинства из них (из 5-и 3), и территорий.

Подбор инструкторов по специальностям, эта чрезвычайно счастливая по нашему безлюдью, особенность работы Тверского Т-ва, с первых же шагов дает деятельности отдела правильное направление, углубляет ее, обеспечивает создание ряда важных просветительных учреждений и облегчает борьбу с соответственными ошибками.

Под руководством инструктора по театру и по сотрудничеству специально приглашенного декоратора, оборудован довольно большой театральной прокатный склад, которым широко пользуются и в самой Твери, и во всей губернии. При складе — прокатная театральная библиотечка (до 450 назв.). Тот же инструктор организовал постоянную труппу из любителей, которая, именуя себя „Передвижным театром Тверского Т-ва“, выезжает время от времени в разные пункты губернии. В широких кругах населения тяга к театру огромная, вопросов и запросов вокруг театра — тьма, знаний, навыков почти нет. Инструктор оказывает в этом направлении *посильную* помощь, выезжая на места и выдавая справки и указания в самом отделе.

Следует, однако, отметить, что деятельность отдела в области театра относится, по преимуществу, к внешней стороне „театрального действия“ и хоть сколько-нибудь значительного влияния на характер работы той или другой группы любителей не оказывает со стороны внутренней. Для того, чтобы внести в деятельность многочисленных драматических кружков „дух жив“, чтобы помочь

той или иной группе любителей слиться в дружный, живущий одними устремлениями творческий коллектив, чтобы ясно хотя бы поставить такую цель, — в настоящий момент сил отдела недостаточно. Тут должна прийти помощь со стороны, — может быть, из столиц и должна выразиться, вероятно, в организации небольших студий.

О распространении музыкального образования судить пока трудно, так как инструктор по организации народных хоров, оркестров и пр. приступил к работе недавно. Осуществляя пункт 1-й своего плана, отдел организовал 2 библиотеки; одну — для служащих Т-ва (2199 т.) и вторую — справочную по вопросам внешкольного образования (3105 назв., 3351 т.).

Других постоянных просветительных учреждений отдел не создавал, но при участии его инструкторов пополняется и живет здоровой жизнью городской педагогический музей, увеличивая число отделов и пополняя их (в нем есть, в числе прочих, и отделы по внешкольному образованию, кооперации, родиноведению).

Прямым и главным средством для „распространения научного знания отдел избрал пока лекции, и они-то и составляют до сих пор главное содержание деятельности 2—3 инструкторов. Один из них читает по кооперации, другой — лекции „общественного характера“. Работа таких лекторов оставляет, конечно, свои следы, но она — слишком недостаточна. Если бы можно было связывать деятельность лекторов-организаторов (они и организаторы) с работой земских внешкольников, прикрепленных своей волости или относительно небольшому району, — нечего и говорить, насколько полнее обслуживалась бы губерния. Но, во-первых, как и всюду, в Тверской губ., внешкольная работа земства не столько налаживается, сколько разладилась, и, во-вторых, связь эта, где и имеется (как, напр., в Тверск. уезде), — совершенно случайна.

При отделе имеются еще 2 кинематографические аппарата „Кок“, с большим запасом фильм, есть волшебные фонари с подобранными по темам комплектами диапозитивов. Особые техники об'езжают с аппаратом „Кок“ села и деревушки Тверской губ. Отдел стоит в центре просветительной работы всей губернии, к нему обращаются за помощью, советом общественные, а иногда и просветительные учреждения; в нем бьет живая жизнь.

В 1918 д. смета отдела определена по первоначальным предположениям в 70.000 руб., но сама жизнь ее значительно увеличила.

Назависимой от культурно-просветительного отдела жизнью при товариществе живут книгоиздательство и большой книжный склад. Т-во издает еженедельник „*Тверской кооператор*“, журнал живой, рассчитанный на широкую аудиторию, уделяющий много внимания вопросам местной жизни (редактор М. П. Неведомский). Затем, издан ряд брошюр по кооперации, по вопросам внешкольного образования; положено начало изданию большой серии популярных брошюр о русских писателях под общей редакцией М. П. Неведомского.

Просветительная деятельность Тверского Т-ва в ближайшее время должна будет значительно расшириться и углубиться, в кассу культ.-просвет. отдела вольются новые средства от Тверского Союза Кредитных Кооперативов, который хочет использовать уже налаженный аппарат Т-ва, отказываясь от организации самостоятельного просветительного отдела.

Являясь рабочим органом двух таких крупных организаций, как Тверское Т-во Кооперативов, и Союз Кредит. Т-в, отдел может взять на себя задачу об'единения вокруг своей работы всех просветительных организаций Твери и положить тем крепкое основание для общегубернского об'единения. Правда, есть уже „Просветит. Союз Тверской губ.“, в котором деятельное участие принимают сотрудники отдела, но пока „Союзу“ не удалось стать на ноги, и, очевидно, это будет возможно только тогда, когда он „применится“ к живому телу Т-ва.

Впрочем, о „Союзе“ можно будет говорить увереннее только осенью, когда деятельность просветительных организаций и в городе, и в деревне повысится, оживится, потребность в некотором объединении будет сильнее ощущаться на местах. Несмотря на то, что мы переживаем новую эпоху феодализма или именно потому, — в провинции веет дух объединения. И всякое здоровое начинание, обвешанное этим духом, должно окрепнуть.

Из остальных общественных организаций, ведущих просветительную работу, следует упомянуть о „Культ.-просвет. комиссий Рабочего Комитета и Совета Администрации фабрик Т-ва Тверской мануфактуры“, организации, которую можно сравнить с завязисим кооперативом, заводской лавкой. Несмотря на довольно большие финансовые средства, „Комиссии“ не удалось осуществить все те широкие планы, которые намечались ею в специально изданной брошюре. И курсы вечерние, и лекции, и „народный университет“ — все, кроме курсов прикладных знаний, не привлекло или не удержало рабочих (а их на Тверск. мануфактуре до 20 тысяч) и умерло преждевременной смертью.

Подробных сведений о программе курсов, университета и пр. не удалось получить (сказалось лето; все „в отпуску“), и с деятельностью „Комиссии“ еще предстоит ближе ознакомиться, точно так же, как и с „Комиссией“ другой — Береговской фабрики.

В том же рабочем районе живет рабочее кооперативное о-во „Рождественское“, пытавшееся поставить собственными силами просветительную работу. Пока это привело почти только к тому, что здание, на котором красуется вывеска „Народный дом“ ровно ничем не походит на народный дом; библиотека О-ва никому почти не служит, драматический кружок бьется в усилиях, не поддержанных знанием. А между тем сам собой напрашивается вопрос: почему не объединяются для совместной работы три рабочих организации, действующие в одном районе, среди одних и тех же рабочих, имеющие одинаковые учреждения (библиотеки). Тверские правительственные учреждения — отделы по внешкольному образованию при губернском тверском уездном и городском совдепе и ведут некоторую работу, но это еще — от земства. Губернский совдеп еще не вышел из стадии перехода дел из одних рук в другие. Что же касается городского совдепа, то он только и пытается создать свой рабочий орган. Предполагалось выделить такой орган из состава общегородской конференции культ.-просвет. организации, намечавшейся к созыву в первых числах августа.

II.

В *Смоленске* просветительная работа в области внешкольного образования не велика по своим результатам.

Кооперативной просветительной работы значительной еще нет. Смоленский Губернский Союз Кооперативов только недавно выдели Клульт.-просвет. отдел, который еще далеко не вышел из стадии подготовительных работ: выработки плана, подбора инструкторов и пр. Кое-что, правда, и теперь уже делается (подается организационная помощь сельским просветительным обществам, читаются лекции, положено начало книжному складу,дается небольшой журнал „Кооперативное Слово“), но все это — только начатки, первые шаги. В самом Смоленске, по инициативе Союза и его усилиям, налаживается объединение отдельных потребительных обществ для общей или единой просветительной работы. Соглашение почти достигнуто, и пред новым „просветительным обществом смоленских кооперативов“ встает очередная задача: объединение или установление тесной и правильной связи с остальными жизнеспособными организациями. Таких организаций в Смоленске сравнительно немного, и работникам Смоленска такое объединение представляется возможным в будущем тем более, что некоторые (как, напр., вечерние курсы О-ва Народн. Университетов) стоят чрезвычайно близко к Смоленскому Союзу. Следует сказать, однако, что в Смоленске как

будто уже существует некоторый городской центр: в самое последнее время образовался „Пролеткульт“. Но он только начинает дышать.

Попыткой объединения в областном масштабе, объединения, если не организационного, материального, то морального, был съезд по народному образованию, созванный комиссариатом просвещения Западной области в последних числах июля. Попытка окончилась неудачей. Съезд привлёкший довольно значительное количество учителей, в первые же дни раскололся—и в значительной мере неожиданно для его участников. Неожиданно же потому, конечно, что, изжитые антагонизм между сторонниками правительственной просветительной политики и элементами, ее неприемлющими. Характерным для широких масс учительства является их готовность не возражать против всяческих правительственных деклараций или даже его многих конкретных начинаний, стремление получить только доступ к работе, общее убеждение, что излишне еовершенно выступать с ответными декларациями. Раскол был ликвидирован, власти получили удовлетворение, был вынесен ряд резолюций, и съезд доведен до конца.

Комиссариатом Просвещения организуются в конце августа двухмесячные курсы по внешкольному образованию.

Больше и полнее обслуживает население Внешкольный отдел Смоленского Уездного Совдепа. Несмотря на отсутствие кредитов, все же приводится в исполнение план, утвержденный уездной земской управой последнего созыва. Во всех 11 волостях уезда работают районные внешкольники. Отдел стремится планомерно укреплять существующие и насаждать новые просветительные учреждения во всем уезде. Деятельность внешкольников регулируется периодическими совещаниями. Большая часть внешкольников получила довольно значительное общее образование, но не всегда имеет опыт и знания по внешкольной работе, вообще, и по отдельным ее отраслям, в частности. Большой помощью послужили бы для таких работников справочники и руководства, заботливо составленные. Отмечаю эту последнюю потребность, как самую настоятельную. Удовлетворить ее вместе с потребностью провинции в опытных и знающих работниках — это значит ослабить то тягостное положение, в каком находится дело просвещения широких народных масс и в больших, и в малых городах.

Культурно-просветительные ячейки Тверской губ.

(От нашего корреспондента).

Приводим список культурно-просветительных ячеек Тверской губ. в том порядке, в каком они регистрировались культурно-просветительным отделом Тверского посреднического товарищества кооперативов и отмечались, затем, на страницах журнала „Тверской Кооператор“ (№№ 6, 12—13, 14—15, за 1918 г.):

Тверской уезд:

Ильинский культ.-просвет. кружок, Бурашевский культ.-просвет. кружок, Бели Кушальский к.-пр. кр., Рыловский культ.-пр. кружок, Неготинский народный дом, Лебедевский народный дом, Избрижский культ.-пр. кр., Первитинский к.-пр. кр., Каблуковский народный дом.

Корчевский уезд:

Сынковский к.-пр. кр.,
Корчева: Чириковский к.-пр. кр.

Осташковский уезд:

Локотецкий к.-пр. кр.

Бежецкий уезд:

Борисовский к.-пр. кр., Трестинский к.-пр. кр., Ильгошинский к.-пр. кр., Микшинский к.-пр. кр., Толмачевский народный дом, Замытский к.-пр. кр.

Новоторжск. уезд:

Анциферовский к.-пр. кр., Парфеновский к.-пр. кр.

Старицкий уезд:

Страшевский к.-пр. кр., Лотошинский народный дом.

Кашинский уезд:

Литвинское к.-пр. общество.

Вышневолоцкий уезд:

Казикинский к.-пр. кр.

Тверской уезд:

г. Тверь. Союз Затверецкой молодежи, Яшской к.-пр. кр., Кружок молодежи, Клуб кооператоров.

Каблуковский народный дом, Борцынское о-во народного дома, Квакшинский к.-пр. кр., Петровское к.-пр. о-во, Заборовский кр. разумн. разв., Васильевский к.-пр. кружок, Николо-Городищенский к.-пр. кр.

Кашинский уезд:

Сонковский. к.-пр. кр.

Старицкий уезд:

Высоковское к.-пр. о-во, Павликовский к.-пр. кр., Казнаковский народный дом, Поршинский народный дом.

Осташковский уезд:

Селижаровский к.-пр. кр.

В.-Волоцкий уезд:

Ясеновский к.-пр. кр., Селище-Хвошненский к.-пр. кр.

Новоторжск. уезд:

Саноловский к.-пр. кр., Есеновичский к.-пр. кр. „Заря“, Март.-Булатник. к.-пр. кружок.

Корчевский уезд:

Ведновский к.-пр. кр., Губин-Угольский к.-пр. кр. „Живые Волны“.

Тверской уезд:

Гнилицкий к.-пр. кр., Быковский к.-пр. кр., Ляковский к.-пр. кр., Яконовский к. пр. кр., Елецкое о-во самообразования, Лямовско-Горицкий к.-пр. кружок.

Новоторжск. уезд:

Кувшиновский к.-пр. кр.

Пряшухинская вол:

Андреяновский к.-пр. кр.

Торжок:

Новоторжский народный дом.

Новоторжск. уезд:

Вышковский к.-пр. кр., Осиповский народный дом.

Корчевский уезд:

Ведновский к.-пр. кр., Рождественский к.-пр. кр.

Если многие из этих кружков перестали существовать к настоящему времени, то не надо забывать, что приведенный список очень не полон: с одной стороны, он совершенно не охватывает некоторых уездов, с другой — не охватывает всего количества культурно-просветительных ячеек в отмеченных в списке городах и уездах.

Как видно из списка, ячейки разбросаны по самым разнообразным уголкам губернии, не только по крупным селам (не говоря уже о городах), но и по маленьким деревушкам.

Большинство ячеек приходится на г. Тверь и Тверской уезд. Далее следуют уезды: Новоторжский, Старицкий, Бежецкий, Корчевский.

В 1918 г. в Культурно-просветительный отдел Тверского Посреднического Товарищества Кооперативов поступали сведения о все новых и новых культурно-просветительных ячейках, возникающих в различных уголках Тверской губ., и это дает повод сделать заключение, что дело просвещения ширится и растет, несмотря на самые неблагоприятные условия, несмотря на то, что народная мысль отвлечена, в буквальном смысле, поисками насущного хлеба.

На основании этой тяги к просвещению, которую обнаруживает деревня, «Тверской Кооператор» (№ 14—15, 1918 г.) делал предположение, что „не далек тот день, когда работа всех просветительных ячеек губернии пойдет по одному руслу, по общему плану, для разработки которого необходим созыв губернского съезда представителей культурно-просветительных ячеек“.

Л. Панов.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Новые издания по внешкольному образованию.

Общие вопросы. Весьма своевременно переиздание брошюры В. Смирнова — Культурные центры деревни. 15 Уставов просветительных организаций. Изд. «Народн. Учит.» М. 1918. стр. 112. Ц. 3 р. Брошюра может служить справочником по вопросам организации местных просветительных ячеек—обществ народного дома, клубов, народных университетов, литературных, художественных, научных кружков, попечительств, обществ по изучению местного края и т. д.

Кроме уставов, в приложениях даны сведения о порядке регистрации культурно—просветительных обществ, инструкции должностным лицам общественных организаций и краткий указатель литературы по внешкольному делу, являющейся, по мнению автора, обязательной для внешкольного инструктора.

Брошюра М. М. Христолюбовой—Созоновой—В. Гришине. Заметки о культурно—просветительной работе в Гришинском Доме Народа за 1916—1917 год. Изд. Дмитровского Союза Кооператоров. Дмитров. 1918. стр. 52. Ц. 1 р. 60 к.—должна быть горячо рекомендована всем практическим работникам в культурной области. Автор брошюры—инструктор по внешкольному образованию рассказывает в ней о своей работе, не скрывая от читателя ни одной мелочи. Особенно много места уделяется задачам в работе, личным ошибкам, которые сильно переоцениваются автором, но анализ которых, не говоря уже о подходе к ним, представляет

огромный интерес и заставляет обратить внимание на эту книгу всех, особенно начинающих работников.

Далее, необходимо отметить небольшую брошюру А. Бунакова и В. Мурзаева—Школьный инструктор. М., год изд. не указан, стр. 32. Ц. 60 к., как затрагивающую один из наиболее важных, животрепещущих вопросов современной работы в области народного образования. Выработка плана работы на местах сопрягается с вопросом о руководстве работой, о создании кадра внешкольных инструкторов, и вот этот-то вопрос и является в настоящее время крайне сложным. Приходится создавать не только самих инструкторов, но и условия для их работы—крайне сложные, благодаря той специфической обстановке, в которой приходится сейчас сталкиваться со взглядом на инструктора, как на бывшего инспектора, в задачи которого входит уловить и довести до сведения центра. Поэтому можно приветствовать всякую попытку разобраться в работе инструктора, очертить его функции и установить ближайшие обязанности. В рассматриваемой брошюре имеется проект положения о заведующих педагогической частью начальных школ, план деятельности школьного инструктора и объяснительная записка. Хотя авторы имеют в виду исключительно школьных деятелей, но, в качестве примера, этими проектами можно воспользоваться и для внешкольных инструкторов.

Из изданий, посвященных вопросам знания и просвещения вообще, можно указать, как на вышедшие за последнее время, две книги —

Ц. Блонского — Школам рабочий класс. Изд. Моск. Сов. Раб. Деп. М. 1918. стр. 31 Ц. 60 к. и А. Богданова — Наука и рабочий класс. Изд. Союза Рабоч. Потребит. О-в Москвы. М. 1918. стр. 16. Ц. 40 к.

К этой же серии необходимо отнести две книги, вышедшие недавно в издании «Народн. Учителя» — Е. К. Янжул — Трудовое начало в школах Средней Европы. М. 1918. Ц. 2 р. 50 к. и Федоров — Гартвиг, А. — Трудовая школа и коллективизм. М. 1918. Ц. 2 р. — в которых, несмотря на их несколько специальный характер, заключаются очень много ценных и интересных данных для внешкольной работы.

Наконец, должно отметить большое сочинение, издание Комиссариатом Народн. Просвещения — Гейнрих Шульц — Школьная реформа социал-демократии. Пг. 1918, стр. 227. Ц. 5 р., в котором затрагиваются все вопросы народного образования и воспитания, с точки зрения социализма.

Школы для взрослых. Этот отдел внешкольной литературы обогатился недавно книжкой И. Г. Хольмана — Высшая крестьянская школа в Дании и ее значение для развития детской народной культуры. Перев. с нем. под ред. С. Т. Шацкого. Изд. Сов. Всеросс. Кооперативн. Съездов. М. 1918 г., стр. 118. Ц. 6 р. Книжку Хольмана нельзя рассматривать, как практическое руководство к организации школ такого типа; она является, по словам автора предисловия к ней Н. Юрданского — практическим подходом к... исследованию этого вопроса в условиях русской крестьянской жизни... теми общими методами и приемами, какими подошли к нему первые пионеры датской высшей крестьянской школы.

Из руководств для начальных школ для взрослых укажем в настоящем обзоре лишь две книги — К. Ф. Лебединцева — Математика в народной школе (первая ступень). Изд. «Народн. Учит.» М. 1918, стр. 126. Ц. 3 р. и Е. А. Звягинцев и А. Г. Бернштейнский — Задачник взрослых по арифметике для воскресных школ, классов и курсов взрослых. Изд. Сов. Всеросс. Кооперативн. Съездов. М. 1918. В настоящее время вышла лишь первая часть этого учебника (Ц. 3.50), вторая часть печатается.

Вопросу об изданных за последнее время учебников для взрослых будет посвящен специальный обзор в следующей книге журнала.

Библиотеки и книжное дело. Появилось новое издание книги Л. В. Хавкиной — Руководство для небольших библиотек. С рис., образцами бланков и справочным указателем. Изд. 3-е. М. 1918, стр. 246. Ц. 8 р. В общем, это издание немногим отличается от предыдущего — введены лишь некоторые новые факты и указано несколько новых литературных источников. Организаторам курсов по библиотечному делу может оказаться небесполезной небольшая брошюра Д. Баллика — Программа работ по библиотечному и внешкольному делу. Изд. Отд. Внешк. Образов. при Белебеевской Уездной Земской Управе. Белебей. 1918. стр. I—IV; 1—15. 18. не указано. Из брошюры не усматривается, проведен ли был автором курс по данной программе, но составлена программа для курсов по внешкольному образованию. Программа крайне громоздка, местами не выдержана, но, в виду малочисленности таких программ в нашей литературе и практике, на нее необходимо обратить внимание.

По технике библиотечного дела появились новые издания брошюр А. А. Покровского, почти ничем не отличающиеся от предыдущих изданий. Брошюра Н. В. Русинова — К технике архивоведения (группировки и каталогизация архивных материалов, М. 1918, стр. 11. Ц. 70 к.), может быть крайне интересной для практических работников, с точки зрения установления системы классификации рукописей, отчетов и проч. материалов. Брошюра рассчитана на работников ученых архивов и академических библиотек.

В области книжного дела нужно указать на брошюру М. В. Муратова — Продажа книг, как культурная работа. Изд. Дмитровского Союза Кооперативов. Дмитров, 1918, стр. 38. Ц. 1.90. Эта книжка чрезвычайно любопытна, как результат личной деятельности автора в области распространения книги в земстве и кооперации. Кроме общих впечатлений и советов, некоторые главы посвящены практическим указаниям по вопросам продажи книг в складе и магазине и учета культурно-просветительной работы склада и магазина. В книжке встречаются некоторые сложные места, но, в общем, ее необходимо рекомендовать в качестве интересной и полезной новинки.

Справочные издания. Указатель литературы по вопросам

внешкольного образования взрослых, подростков и детей. Изд. Сов. Всеросс. Коопер. Связей. М. 1918, стр. 31. Ц. 2 р.

Указатель составлен по обычному плану — в нем 17 отделов по внешкольному образованию и 9 отделов по дошкольному и внешкольному воспитанию детей и подростков. Общие указания на литературу предмета этот указатель сможет дать, но послужить более или менее исчерпывающим справочником абсолютно не может, вследствие неполноты и безусловной невыдержанности отдельных частей. Особенно поражает в некоторых отделах отсутствие указаний на книги, еще имеющиеся в продаже.

А. Бродский. Указатель литературы по природоведению. Изд. Моск. Гор. У.—та им. А. Л. Шанявского. М. 1918, стр. 31. Ц. 80 к.

В указателе помещены библиографические списки для читателя с общеобразовательной подготовкой, списки литературы по «живой природе» для учителя начальной школы и инструктора по внешкольному образованию и примерный список научно-популярных книг по «живой природе». Списки составлены в высшей степени содержательно, разногласия с автором могут быть лишь на почве неодинакового отношения к тем или другим спорным в настоящее время вопросам естествознания.

В заключение настоящего обзора, необходимо указать еще на небольшую брошюрку С. Н. Срединского — Основы газетного дела. Изд. Петрогр. Сов. Р. и К. Дец. Пг. 1918, стр. 75. 2.30.

В краткой, очень популярной форме брошюра знакомит читателя с характером и главнейшими вопросами газетной техники. Нового в этой брошюре ничего нет—ее необходимо иметь, в виде справочной книги, лишь в том случае, если в соответствующей библиотеке нет более полных старых изданий в этой области.

Коровенко, А. Г. «Первый шаг самообразования». Что такое образованный человек и как им сделаться? С приложением краткого руководства по организации библиотеки. М. 1918, стр. 74. Ц. 1 р. 75 к.

Книжечка небольшого формата, в которой должно быть сосредоточено

все, касающееся вопросов самообразования, популяризации знания, руководство чтением и способами организации библиотеки. В предисловии к своей работе автор говорит: «мы надеемся, что наши почтенные учителя в деле внешкольного образования: И. Владиславлев, Е. Н. Медынский, А. Покровский, Н. Рубкин, Л. Хавкина, Н. Чехов и другие, без компетентных указаний которых в данном случае нельзя сделать ни одного шага, не посоветуют на нас за то, что мы, приводя выписки из их трудов, не указывали в каждом случае на труд и автора, дабы не удорожить издания—тем более, что почти все эти труды нами указаны в качестве руководств для дальнейшей самообразовательной работы». Этими словами достаточно определяется и общий характер и содержание рассматриваемой брошюры. Для лиц, работающих над своим образованием и нуждающихся в практических советах, списках книг и прочих указаниях, труд А. Г. Коровенко, являющийся как бы конспектом больших руководств в этой области, несомненно, будет крайне полезен, тем более, что почти все книги, которыми руководствовался автор, вышли из продажи. Содержание книги весьма разнообразно. Первая часть заключает в себе общие правила самообразования—американские правила жизни, значение книг, для чего нужно самообразование и проч. Далее идут списки книг по разным отраслям. В качестве книг, приобщающих начинающего читателя, автор рекомендует сказки и былины. В заключение, приводятся общие соображения по вопросу о чтении книг и основные правила библиотечного дела.

Самостоятельного значения настоящая книга не имеет, но, как хорошую, толково, составленную компиляцию ее можно указать всем организациям и лицам, так или иначе соприкасающимся с вопросами самообразования.

Н. Сум.

Звягинцев, Е. А. История в народной школе. Методические записки. Изд. 2-е, «Народный Учитель». М. 1918 г. стр. 60. Цена 1 р. 50 к.

Вопросы преподавания истории в школе. № 1. Г. Б. Вебер. Родная и всеобщая история в средней школе. Пг. 1918 г., стр. 8. Цена 40 к.

Пунин, Н. К вопросу о воспитательном значении исторического материала. Статья в № 1 «Вестник Народного Просвещения Союза Коммунистической Северной Области». Стр. 29—33.

Вопросы преподавания истории, роль и значение этого предмета в школе и, особенно, во внешкольном преподавании, издавна служили предметом горячего обсуждения в специальной литературе. Содержание различных отделов отечественной и всеобщей истории всегда, при желании, может дать возможность углубляться в сторону, говорить „по поводу“ того или другого явления и т. д. Все эти соображения обуславливали крайне любопытно положение вопроса—официальные программы становились все более и более отчетливыми, чеканились вполне определенно в известном духе, способы же преподавания отличались большим разнообразием, в зависимости от тех целей, которые преследовались в каждом отдельном случае лектором или преподавателем.

В настоящее время, когда, казалось бы, исчезла всякая надобность рассматривать любой предмет школьного и внешкольного преподавания иначе, как с общеобразовательной точки зрения, должно бы наступить соглашение и прекратиться все споры. Оказывается, однако, что дело вовсе не так просто. Во всех трех брошюрах и статьях, заглавия которых выписаны выше, проводятся диаметрально противоположные точки зрения на один и тот же вопрос.

Начнем со статьи Н. Пунина, который формулирует свое отношение к преподаванию истории следующим образом: „школа должна быть, наконец, освобожденной от всех тех предметов, которые не способствуют увеличению в детях активности и, в первую очередь, она должна быть в значительной степени освобождена от истории.“

История в том виде и, главное, в том объеме, в каком до сих пор она преподавалась, не принесет ничего положительного новой трудовой школе; наоборот, в силу самого существа исторической науки, она всегда будет служить задерживающим и расслабляющим моментом детской психики. Действуя пассивно, она противоречит будущему, обогащая ребенка опытом, она разрушает его творческую активность, не конденсируя его волю, она тем самым ослабляет труд“.

В полной противоположности к такому взгляду, почти отрицающему

какое бы то ни было значение за историей в школе, стоит основная мысль второй из рассматриваемых здесь брошюр, открывающей собою серию работ Научно-Педагогического Общества преподавателей истории. Здесь, наоборот, преподавание истории рассматривается, как основа всего школьного обучения, как источник тех „основ“, на которых автор полагает смысл и оправдание будущей школы. „История родного народа, одухотворенная и органически переживаемая во всех своих многогранных ценностях—и ценностях духовной культуры в первую очередь—станет отныне в русской школе краеугольным камнем национального самосознания“. Это относится к положению в школе русской истории. Что же касается всеобщей, то „она должна и может дать не только богатейший запас положительных знаний,—а нам, в первую очередь, нужно учиться, бесконечно больше и напряженнее, чем мы это делали до сих пор,—но что, может быть, еще существеннее, в педагогическом отношении, она выполнит свою великую гуманизирующую миссию, сблизит различные народности в их взаимном понимании и уважении, приведет к действительному культурному сотрудничеству, приведет к человеческой солидарности“.

Третья из перечисленных здесь книг—Е. А. Звягинцева—рассматривает исключительно содержание курса истории и его построение, в связи с общим планом преподавания на третьей и четвертой ступени обучения начальной школы. Автор совершенно отбрасывает прежние методы построения курса—по эпохам повествования об отдельных эпизодах и лицах, а также курса, основанного на картинах. Единственно нормальным планом кажется автору „распределение учебно-исторического материала... по группам исторических явлений: история культуры материальной, развитие культуры духовной, развитие форм общежития, суда, политических учреждений должны быть проследжены отдельно на протяжении веков, от первобытного состояния человека до наших дней“ (Стр. 22).

Сообразно с этим планом, выясняется связь истории с остальными предметами школьного преподавания—географией, уроком русского языка и т. д. Много места отводится также изложению вспомогательных средств при прохождении курса—различными формами ручного труда, рисованию, устройству местного музея, экскурсиям.

Взгляды автора брошюры, высказывавшиеся уже и раньше, находили себе неоднократно применение, преимущественно, в организации внешкольных лекций и курсов. Поэтому, необходимо обратить внимание и на настоящее издание этой брошюры, в которой весь затронутый вопрос освещен весьма цельно и всесторонне.

Естествознание в школе. Ежемесячный журнал, по вопросам естественно-исторического образования в средней и начальной школе. Под общей редакцией проф. В. А. Вагнера и Б. Е. Райкова. I-ая часть. №№ 1, 2—3. Пг. 1918.

Настоящий журнал является предложением издававшегося под тою же редакцией, шесть лет тому назад не-периодического издания. Певращение издания в периодический журнал отвечает глубокой потребности, которую давно уже испытывает школьное естествознание. В силу целого ряда ненормальных условий, вряд-ли в каком другом предмете школьного преподавания накопилось так много назревших вопросов, от основных, принципиальных до мелочных, касающихся деталей какой-либо одной части. Служа как бы индикатором, барометром отношения власти к школе в течение всего прошлого столетия и подвергаясь кардинальным изменениям при каждом новом министерстве—за 114 лет, с момента своего введения в школьную практику, естествознание „провело в изгнании 53 года“—школьное естествознание, вполне понятно, не успело и не могло установить не только своей методики, но и определить свое место, свою роль в школьном преподавании. Сколько споров раздается еще и сейчас по поводу, наприм., содержания курса начального природоведения, не говоря уже о сложных вопросах методики.

Ближайшие задачи журнала определяются редакцией так: „прежде всего необходимо тотчас же поставить преподаваемое ныне школьное естествознание в такие условия преподавания, чтобы этот предмет не был фикцией, чтобы он был не вреден, а полезен; поднять его на ту методическую высоту, на которой вполне раскроется его образовательная ценность. Далее, необходимо более отчетливо и точно определить, в каком

отношении естествознание должно находиться в учебном плане школы к циклу предметов гуманитарных. Школа должна отвести естествознанию такое место, чтобы предмет этот был не жалким ее пасынком, спроваженным куда-то на задворки учебного плана, но мог бы с достоинством сесть за общий стол, наравне со своим старшим братом. Наконец, очень важно правильно координировать между собою отдельные естественно-исторические дисциплины, чрезвычайно раздробленные, перегороженные на условные клетки, так мало связанные между собою при нашем обычном преподавании“ (Стр. 5, № 1).

Оба вышедших номера журнала составлены крайне интересно и разнообразно. В первой книжке журнала обращает на себя внимание статья Б. Е. Райкова—Естествознание в общеобразовательной школе, во второй книжке—статья В. А. Вагнера—„Последние слова науки“ и преподавание естествознания в школе.

Очень полно и интересно составляется хроника. В библиографическом отделе все заметки и рецензии помещаются без подписей авторов, как выражение коллективного мнения всей редакции. Издание специального журнала в настоящее время—большой подвиг, и хочется, поэтому, искренно пожелать, чтобы все, кому дороги вопросы образования, поддержали в настоящий момент это издание своим трудом и тем или иным участием.

Н. Сум.

Издания книгоиздательства кооперативной литературы „Мысль“.

Перед нами целая серия брошюр различного содержания и неодинаковой ценности, выпущенных в свет петроградским книгоиздательством кооперативной литературы „Мысль“. Здесь и вопросы теории кооперации, и руководства, имеющие практический и справочный характер, и агитационные брошюры, и книжки по вопросам культурно-просветительной работы кооперативов. Центром внимания издательства служит деревенская кооперация, но не забыт и город.

Из книжек теоретического содержания отметим, прежде всего, имеющие наиболее оригинальный характер по мыслям и материалу брошюры К. А. Пажитнова „Кооперация и ее отношение к профессиональному движению, политическим партиям и социализму“ и Н. П. Огановского „Аграр-

ная реформа и кооперативное земледеление". Не считая возможным вступать здесь в споры теоретического характера, укажем лишь, что К. А. Пахитов снова развивает свою интересную теорию "двуединого" характера всего рабочего движения, идущего, с одной стороны, по руслу политической борьбы, а с другой, по руслу "кооператизма", соединяющего обе основные формы экономической борьбы пролетариата — профессиональные союзы и кооперативы — между которыми автор брошюры не усматривает принципиальной разницы.

Вопросам соотношения политики кооперации посвящены также брошюры А. А. Николаева "Кооперация и социализм" и В. А. Кильчевского "Кооперация и партия".

Названная выше брошюра Огановского, в которой удачно сгруппирован и изложен интересный материал по сельской кооперации, еще много выиграла бы, если бы автор ее не стремился к чрезмерной злободневности и не исходил в своих настроениях из соотношения сил, царившего в момент написания брошюры, когда почти неизбежным казалось установление в России и значительной части Европы владычества Вильгельма и его политической системы.

К сожалению, много менее интересным оказываются при ближайшем рассмотрении широковещательные по заглавиям и предисловию книжки В. Фромметта, а также изданные книгоиздательством "Мысль" переводные сочинения по теории кооперации. "Круг" В. Фромметта "Теория и история потребительской кооперации", по предположениям его автора, должен по служить примером и для других лекторов по кооперации и облегчить им задачу создания кооперативных учебников. Между тем содержащийся в книжке беглый конспект теории кооперации и самый скатый обзор истории и положения потребительской кооперации в Западной Европе и в России дает одинаково мало, как подготовленному читателю, ищущему более подробной и глубокой разработки вопроса, так и читателю сырому, который не сможет усвоить материала, изложенного в такой конспективной форме. Тем же грехом — страдает и другая брошюра того же автора "Пророки кооперации — Фурье и Оуэн".

В сборник "Рабочий класс и кооперация" включены, кроме полезной статьи Л. Шегло "Воспитательное значение рабочей кооперации", — три перевода работ Г. Кауфмана, В. Гере и И. Гисбертса, изданных книгоизда-

тельством "Мысль" также и в виде отдельных брошюр. Работы эти отражают различные взгляды на кооперацию. Проводя через все свои издания принципы социалистов, сторонников политического нейтрализма кооперативного движения, руководители издательства, повидимому, сочли нужным дать место произведениям представителей более правых течений, — Гисбертса — христианского социалиста и Кауфмана, отвергающего классовый характер рабочей потребительской кооперации.

Довольно обширная брошюра д-ра Дюфура "Производительные товарищества в промышленности," написанной в определенно враждебном социализму духе, неудачна по содержанию и по изложению.

Из наиболее крупных по объему изданий укажем еще книжки А. Е. Кулыжного "Устройство хлеботорговли и товарищеский сбыт хлеба" и "Деревенская кооперация". Обе они дают много важного материала и представляли бы большую практическую ценность, если бы жизнь не перевернула всех экономических отношений со времени написания этих книг в 1912-13 г. Книжки почти не подновлены для издания 1918 года и, каковы бы ни были новые повороты колеса истории, но, при полной невозможности возвращения к условиям до-революционной и даже до - военной хозяйственной жизни, значительная часть книжек Кулыжного, особенно в практической своей части, останется устарелой.

Печальная участь преждевременного устарения постигла и обстоятельное пособие А. А. Исаева "Новое кооперативное законодательство".

Удачно составлена и представляет интерес особенно для мало - опытных работников - практиков кооперации брошюра К. И. Шемитова "Организация торговли в потребительных обществах".

Наконец, необходимо отметить две группы брошюр, изданных книгоиздательством "Мысль". Серия брошюр А. А. Глебова (Меркулова) — "Сельскохозяйственные общества", "Сельские потребительные общества", "Сельскохозяйственные товарищества и артели", "Кредитные товарищества" и "Артельные маслодельни".

В каждой из этих книжечек автору удалось на пространстве двух десятков страниц дать много конкретного материала, гораздо более полезного, яркого и убедительного, чем традиционные в нашей "народной" литературе агитационные фразы, и притом изложенного очень искусно в действи-

тельно популярной форме, вполне доступной для всякого деревенского читателя. Здесь же включен ряд полезных для деревенских кооператоров практических указаний. Неудивительно, что все эти брошюры вышли уже третьим — четвертым изданием.

И, наконец, с особым удовольствием остановимся мы на изданиях по вопросам культурно-просветительной работы кооперативов. Полезны, по своим практическим указаниям брошюры Н. С. Бойкова „Курсы по кооперации“ и Кольтско „Организация книжной торговли при кооперативах“, но особенно надо рекомендовать для распространения в среде кооператоров брошюры Н. А. Орлова: „Библиотека - читальня кооператива“, „Как устраивать собрания и лекции потребительного общества“ и „Клуб кооператоров“.

В. Венгеров.

А. Богданов. Искусство и рабочий класс. Москва, 1918 г.

Небольшая книжка А. Богданова составила из трех статей, напечатанных в прошлом году в журнале „Пролетарская Культура“.

Эпоха феодального строя жизни, связанная с духом авторитета, эпоха буржуазного строя жизни, связанная с духом индивидуализма и, наконец, пролетарская культура, — такова основная схема теоретических построений А. Богданова.

Положения эти, конечно, верны, по существу, но в научных работах А. Богданова они принимают крайне схематичный кабинетный характер, часто лишаящий их необходимой жизненности. Рабочий, управляющий сложной машиной, все больше и больше сводит свой труд к наблюдению и контролю. Вмешательство работника по мере надобности требует от него инициативы и решительности в действиях. Отсюда — основные черты труда организаторского: сочетание умственного и физического труда.

А так как организатором здесь является не отдельное лицо, а коллектив, то и вся форма сотрудничества носит товарищеский характер. Этот характер работы, зародыши которой были и раньше, приводит и к товарищескому сознанию.

Но в жизни это, конечно, не так гладко, как на бумаге. И сам А. Богданов вынужден теперь признаться, что хотя товарищеское сознание и идет следом

за товарищеским сотрудничеством, но „все же необходимо отставать от него“.

Факты, которые признает и А. Богданов, таковы: произведения поэтов-пролетариев могут быть окрашены совсем не пролетарским духом, а духом мелкобуржуазной психологии или даже духом солдатчины.

Вторая глава книги А. Богданова говорит о художественном наследстве. Здесь А. Богданов устанавливает свое отношение к искусству прошлого. В каждом произведении искусства творец — художник пытается организовать „некоторую сумму элементов жизни и опыта“. Каждое произведение искусства служит „орудием организации для некоторого коллектива“, т. е. в данном создании искусства выявляется взгляд на мир. Если эта точка зрения не чисто пролетарская, то крик — идеолог рабочего класса должен дополнить то, чего нет у художника. Таков взгляд А. Богданова.

По мнению Богданова, обычное понимание роли и смысла пролетарской критики чаще всего сбивается на позицию агитационно-пропагандистского значения искусства. Таковой взгляд А. Богданов приписывает пишущему эти строки, по поводу одной статьи об искусстве, написанной пять лет тому назад. Взгляд, изложенной в этой статье, А. Богданов считает наивным. Здесь просто недоразумение. Когда приходится говорить о характере восприятия искусства рабочей массой, сказать, как это есть — не значит сказать, что так это и должно быть.

Но что в старых созданиях искусства есть, в отличие от золота, элемента лигатуры, в смысле идей отжившего порядка — это несомненно. Указывая на речь маркиза Позы, как на образец лигатуры, имеем в виду отжившие для нас идеи просвещенного абсолютизма. А. Богданов пытается аспирить это и говорит, что художественно — глубокое воспроизведение идей просвещенного абсолютизма вовсе не „лигатура“ для читателя, „исторически сознательного“, ибо здесь перед нами выраженный художественно, организованный опыт прошлого, а следовательно, важный для нас элемент познания прошлой жизни.

Это, конечно, правильно. Но ведь для читателя „исторически — сознательного“ и стихи Фета не „лигатура“. А между тем А. Богданов, во имя чисто-пролетарской поэзии, отриняет

какую-либо ценность поэзии Фета. Здесь явное противоречие.

Когда приходится говорить об условиях восприятия созданий искусства рабочими массами, то речь идет о самых различных категориях умственного развития и степени душевной одаренности.

Вряд ли нужно доказывать такие элементарные положения, что читатель, "исторически - сознательный" выше читателя, живущего одним непосредственным чувством, что искусство должно служить "средством углубления и, просветления сознания масс".

Дело вовсе не в этом. А в том, что точка зрения историческая и точка зрения просветительная одинаково законны и приемлемы. Можно подходить к пушкинскому Онегину или шиллеровскому маркизу Позе, с этих обеих точек зрения. Другое дело, если бы встала на просветительную точку зрения, читатель вздумал отрицать громадное значение "Евгения Онегина" или "Дон-Корлос".

А. Богданову кажется, что речь маркизы Позы не может быть ни в каком случае названа "лигатурой", а вот, напр., Ф. Меринг об этом думает иначе. А. Богданов, конечно, не станет отрицать того, что Ф. Меринг — читатель, "исторически сознательный"? Так вот Ф. Меринг в своей книге о Лессинге, отмечая глубоко-революционное значение драм Шиллера первого периода, говорит о великом германском поэте: "буржуазные классы неспособны были слышать этот голос, говоривший о таких высоких вещах; после блестящего, но весьма краткого периода, Шиллер должен был "от узкого круга буржуазной жизни" перейти к более "высокой области", которая в действительности, была гораздо ниже". Меринг только ценя заслуги Шиллера, "мирится с тем, что автор "Коварства и любви" превратился в автора "Дон-Карлоса". По мнению Ф. Меринга Шиллер сделал шаг назад, перейдя "от честного пролетарского гнева Миллера к сентиментальной болтовне маркиза Позы".

Таким образом, Меринг гораздо резче и решительнее определяет элементы "лигатуры" в творчестве Шиллера, а посему, не смотря на свою несомненную "сознательность", он, с точки зрения А. Богданова, в еще более сугубой степени повинен в "наивности".

Самая интересная глава в книге А. Богданова — это глава третья. В ней очень много ценных и глубоко правильных мыслей. Говоря о влиянии

солдатской идеологии на пролетарское творчество, он говорит, что в воинственно-революционные мотивы рабочей поэзии, "проникала специфически-солдатская окраска, и тем нарушался благородный тон, обязательный для высшего, по своим идеалам класс; и внесение в поэзию понятного в жизни, но недопустимого в искусстве духа узкой, лично направленной ненависти к отдельным представителям буржуазии, чувства, извращающего идею борьбы великого класса; и прямые эскадры, в роде злорадного издевательства над побежденными врагами, восхваления самосудов, вплоть до садических восторгов на тему о выдавливании кишек у буржуев, — было, к сожалению, даже и это. Разумеется, такие вещи не имеют ничего общего с идеологией рабочего класса". Эти справедливые слова заканчиваются у А. Богданова следующим выводом: "Дух истинной силы есть благородство, а трудовой коллектив есть истинная сила. Он должен стать новой аристократией культуры — последней в истории человечества, первой вполне достойной этого имени".

Очень правильные также замечания А. Богданова относительно того нелепого взгляда, что пролетарское искусство должно быть непременно восторженным и "жизнерадостным". Такой взгляд был принят, как известно, на конференции культурно-просвет. обществ, в 1917 г. Эту теорию А. Богданов называет "детской". "Без сомнения, говорит он, — трудовому коллективу свойственно живое и яркое ощущение своей силы; но не надо забывать, что и сила иногда терпит поражения. Искусство должно быть прежде всего до конца искренним и правдивым, именно как организатор жизни: кого и что может организовать тот, кому не верить?"

И, наконец, очень кстати А. Богданов говорит "о сотрудничестве поколений" и об "уважении к великим мертвецам, которые проложили нам дорогу и завещали нам свою душу, которые из могилы протягивают нам руку помощи в нашем стремлении к идеалу".

Эти глубоко верные и ценные мысли приходится еще настойчиво внедрять в мозги тех рабочих, которые отравлены классовым шовинизмом и лишены нормально-развитого классового сознания.

Не смотря на некоторые положения спорного характера, книжка А. Богданова все же является очень интересной и возбуждающей мысль. Быть может, многим рабочим читателям она

даст толчок для правильного представления о великом значении накопленных культурных ценностей прошлого.

Ив. Кубиков.

П. Гайдебуров. Народный театр. Изд. Петр. Союза Раб. Петр. Общ. Цена — 4 р. 50 к.

Книга П. П. Гайдебурова открывается главой „На далекой окраине“. При чем эти слова поставлены в кавычки, ибо Лиговский Народный Дом С. В. Паниной находится всего в полумиле ходьбы от Знаменской площади в Петрограде.

Но район этот, действительно, более, чем какой-либо другой нуждался и нуждается в таком Народном Доме. Что представлял из себя этот район 15 лет тому назад, когда передвижники начали свою работу, — об этом картинно рассказывает П. Гайдебуров в своей книге: „Мертвецы пьяные человеческие туши украшали по праздникам окрестность, и те, что еще не пали в борьбе с алкоголем, услаждали слух обывателей образцовой российской словесностью“.

Автор рассказывает о мытарствах с репертуаром и о тех усилиях, которые приходилось преодолевать для образования театра с серьезным репертуаром. Но помимо этого пришлось положить громадный труд для того, чтобы перевоспитать аудиторию, сменить ее грубые нравы, так резко выявляемые даже во время спектаклей. И все это удалось преодолеть.

В этой главе имеются интересные мысли о необходимом характере репертуара, о перемещении в составе аудитории после события 9 янв. Очень интересны сведения автора о том, как передовые ряды аудитории влияли на остальные элементы зрителей, углубляя их эстетическое чувство.

Вторая глава „Театр Народного Дома“ говорит не только о характере необходимого репертуара, но и о способах организации исполнения. Здесь автор выступает против обычного любительства, стремясь поднять его на высоту серьезного общественного дела. Говоря о принципах сцениче-

ской постановки П. Гайдебуров резюмирует соображения следующей заповедью: „учти соотношение твоих намерений с теми средствами, которыми ты располагаешь. — артистическими и техническими“.

Очень интересна глава „Театр и внешкольное образование“. Противоречие между заданиями чисто-внешкольными и заданиями театра в том, что чистые внешкольники, стремясь использовать театр, как орудие просвещения массы, пытаются провести через сцену возможно большее число литературных пьес и идей. Это начало неизбежно сталкивается с началом театральным. И как большой практик сцены и глубоко идейный человек, П. П. Гайдебуров настаивает на другом подходе к театру. „Театральные представления должны рассматриваться нами — говорит автор, — не как рядовое явление жизни, но как художественные праздники“. Доводы П. П. Гайдебурова на этот счет серьезные, и убедительные.

Говоря о выборе пьес для любительского театра, автор устанавливает совершенно правильный принцип, что „выбор этот должен быть подсказан на месте и обусловлен всею суммой наличных требований и местных данных“.

Наконец, в последней главе о всенародном театре автор является поборником театра всеобщего. Он выступает противником какого-то особого подхода к народу с сюсюкающим искусством. Выступая реформатором, так наз., любительства, сливая его с началом чисто-профессиональным, как необходимым элементом „подножия искусства“, он развивает идеи передвижных театров во всероссийском масштабе.

Общее впечатление от книги — прекрасное. Чувствуется в ней душа артиста-гражданина, человека громадного опыта. — опыта возведенного в законченную теорию. Вы видите в ней чуткого талантливого подвижника сцены, для которого театр есть великое начало общечеловечности.

Ив. Кубиков.

Отдел Консультации

при Обществе „Культура и Свобода“ дает справки и советы по вопросам внешкольного просвещения, составляет списки книг для библиотек и самообразования для учреждений, к.-пр. кружков, отдельных лиц и принимает поручения по составлению библиотек различных типов. Справки можно получать лично в помещении О-ва (Лиговка 3), по вторникам и пятницам, от 5—7 час., или письменно, по адресу О-ва „Культура и Свобода“, в Отдел Консультации.

Издания Общества

„Культура и Свобода“

1. „КУЛЬТУРА и СВОБОДА“.—Сборник первый.

Содержание: Максим Горький. Предисловие. — Вера Фигнер. Возникновение Общества „Культура и Свобода“ и его задачи. — Максим Горький. Революция и культура. — Г. Архангельский. Культурная отсталость — источник нашего поражения. — И. Н. Кубиков. Революция и развитие рабочего сознания. — Л. М. Брамсон. Культурно-просветительные общества на Западе. Е. Е. Колосов. Русское народничество и культурная работа. — А. Н. Потресов. Рабочее движение и культура. — В. А. Базаров. Пролетарская революция и материальная культура.

Цена 2 р. 25 к.

2. „Пред рассветом“. — Сборник для народа под редакцией М. ГОРЬКОГО и ВЛ. РОЗАНОВА.

Содержание: Семеновский. Стихи. — Вяч. Шишков. Красная Рубаха. — Евг. Замятин. Колумб. — М. Горький. Ярмарка. — А. Потресов. Возродится ли Россия? — Вл. Розанов. Долг сознательного гражданина. — С. Загорский. Экономическое единство России. — Проф. С. Б. Костычев. Значение науки в практической жизни. — А. Бах. Значение химии для культуры.

Ц. 3 р. 50 к.

3. Жизнь и литературное творчество В. Г. Короленко. Сборник статей и речей к 65-летию юбилею: Ф. Батюшкова, Л. Брамсона, В. Венгерова, А. Горнфельда, М. Горького, А. Калмыковой, И. Кубикова, В. Максимова-Евгеньева, А. Потресова.

Цена 7 р. 50 к.

4. М. Горький. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре.

Цена 4 р. 50 к.

5 Рассказ Максима Горького «Как я учился». Ц. 50. к.

6 Л. Брамсон. — «Культурно-просветительные о-ва на Западе». Ц. 65 к.

7 Однодневная газета «Книга и Жизнь». Ц. 30. к.

8 „Вестник Культуры и Свободы“, № 1—Июль, 1918 г.

9 „Вестник Культуры и Свободы“, № 2—Август, 1918 г.

10 „Вестникъ Культуры и Свободы“, № 3—4, Сентябрь—октябрь, 1918г.

11. Издания состоящего при О-ве Фонда имени В. Г. Короленко:

Е. П. Леткова-Султанова. Иван Сергеевич Тургенев (общедоступная биография и характеристика к столетию со дня рождения).

Подготавливается к печати:

Литературный художественный альманах.

Содержание: 1. Стихи: Александра Блока, М. Кузьмина. — 2. Стихотворения. Пьеса М. Горького. — 3. Листригоны. Очерки А. Куприна. — 4. Жизнь бессмертных. А. Ремизов. — 5. Север. Повесть Е. Замятина. — 6. Крокодил. Рассказ В. Шишкова.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на издаваемый

Обществом „КУЛЬТУРА и СВОБОДА“ журнал

ВЕСТНИК КУЛЬТУРЫ И СВОБОДЫ

по следующей программе:

Статьи общего характера по вопросам культурного развития и гражданского воспитания. Методы и практика культурно-просветительной работы. Обзор просветительной деятельности — столичной и на местах. Из жизни О-ва „Культура и Свобода“ Библиография. Вопросы и ответы.

В журнале принимают участие : — А. Д. Александрович, Н. Н. Андреев, К. К. Арсеньев, В. А. Базаров, Л. М. Брамсон, А. А. Брянцев, В. П. Вахтеров, В. С. Венгеров, проф. С. А. Венгеров, Б. Б. Веселовский, П. П. Гайдебуров, В. А. Герд, П. Я. Голиков, Максим Горький, Н. Г. Горюнов, А. Я. Гуревич, Л. Я. Гуревич, Я. Я. Гуревич, М. Ермолаев, В. А. Зеленко, С. Ф. Знаменский, Н. Н. Иорданский, А. М. Калмыкова, И. Н. Кубиков-Дементьев, Н. А. Лебедев, Т. В. Леонтьев, А. Л. Липовский, Е. М. Медынский, А. В. Мезиер, К. А. Пажитнов, В. Ф. Пекарский, А. А. Петров, А. П. Пинкевич, С. М. Познер, А. Н. Потресов, С. И. Рагозина, Я. В. Ривлин, В. Н. Розанов, А. Н. Слетова, проф. С. И. Созонов, Н. Э. Сум, Г. Г. Тумим, В. Н. Фигнер, Д. Я. Хазан, М. Л. Хейсин, В. В. Хижняков, В. И. Чарнолуский, С. Т. Шацкий.

Адрес ред. и конт.: Петроград, Лиговская, 3. Тел. 107-70.

Подписка принимается также: МОСКВА: О-во „КУЛЬТУРА и СВОБОДА“, (Кузнецкий мост, 16).

Контора журнала не устанавливает годовой подписной платы на журнал, определяя отдельно цену каждой выпускаемой книги

Цена 8 руб.